

ДЕТЕКТИВЫ О ЖЕНЩИНЕ – ЦУНАМИ

Ирина
Градова

Танец
над
пропастью

Детективы о женщине-цунами

Ирина Градова

Танец над пропастью

«ЭКСМО»

2015

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Градова И.

Танец над пропастью / И. Градова — «Эксмо»,
2015 — (Детективы о женщине-цунами)

ISBN 978-5-699-83267-5

Отец никогда не любил Риту. Главной любовью знаменитого балетмейстера Синявского всегда оставался его театр – «Гелиос». А Рита скорее была его самым большим разочарованием, о чем отец не уставал ей напоминать. Как девушка ни старалась, она так ни разу и не смогла угодить отцу. Она надеялась, что это получится сделать хотя бы теперь, выполнив задание Синявского – привести в труппу его бывшего ученика Игоря Байрамова, с которым восемь лет назад отец крупно поссорился. Но, судя по всему, сделать это будет не так-то просто, ведь между этими двоими существует какая-то темная тайна, вспоминать о которой неприятно обоим...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-83267-5

© Градова И., 2015
© Эксмо, 2015

Содержание

Пролог	6
Глава 1	7
Глава 2	11
Глава 3	18
Глава 4	25
Глава 5	36
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Ирина Градова

Танец над пропастью

© Градова И., 2015

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2015

Пролог

Все происходит в точности, как он где-то читал – яркий *божественный* свет, слепящий глаза... И это – конец? Если да, то совсем неплохо! Ни боли, ни страха... Именно так он мечтал умереть. Стоп! Ничего божественного в этом свете нет: он раздвоился и теперь напоминает... Нет, не напоминает, а это и *есть* светящиеся в темноте автомобильные фары! Значит, он жив? Жив и лежит в нескольких метрах от машины, а свет ее фар бьет ему прямо в лицо. Он с трудом поднимается и, пошатываясь, подходит ближе. Понятно, вылетел, когда автомобиль врезался... Во что он врезался? Что, черт возьми, случилось? Сколько времени прошло с момента аварии?

Он смотрит внутрь через разбитое стекло, различая смутные очертания тела. Открывает дверцу (другая, со стороны водителя, заблокирована деревом, в которое въехал автомобиль). Она поддается не сразу, но после нескольких попыток все-таки открывается, вернее, отваливается. С сиденья свешивается рука. Красивая рука с большой кистью и длинными пальцами. С пальцев капает кровь. Избегая заглядывать в безжизненное лицо, он хватается за плечи и тянет изо всех сил. Оно соскальзывает с сиденья, но ему не удается освободить левую ногу – должно быть, она застряла под сиденьем, сместившимся от удара. Опускается на колени, пытается высвободить ногу, и его руки скользят по чему-то вязкому, мокрому и теплomu. И запах... Запах бензина. Надо торопиться! Тем не менее он упрямо продолжает отгибать металл, зажавший ногу словно тисками. Он не может оставить тело внутри. Наконец нога свободна. Штанна черная от крови, но это не важно. Он вытаскивает тело, как мешок с мукой, волочит его по мокрой траве как можно дальше от машины. Взрыв заставляет вжаться в мокрую, вязкую почву, а на губах – вкус бензина и крови. Глупая мысль: в кино машины взрываются, как атомные бомбы, с шумом и столбом пламени, уходящим в небо. В жизни все гораздо скромнее. Автомобиль горит тихо, и кроме легкого потрескивания огня, не слышно ни звука.

А потом он услышал голоса. Странно – голоса отчетливые, а слов не разобрать... Снова свет ударил в глаза – на этот раз от фонарика. Приближается. Чьи-то руки ощупывают его, тормошат. Он смотрит на тело, лежащее рядом на мокрой траве, но видит только руку с широкой ладонью, длинными пальцами и тускло поблескивающим золотым кольцом на мизинце. И проваливается в темноту...

Глава 1

Рита вошла в ярко освещенный зал под звуки музыки и с интересом огляделась: здесь все оказалось не так, как она ожидала. Попасты в этот клуб стоило больших усилий и связей, и теперь понятно, почему. Огромное помещение выглядит еще больше из-за зеркальных потолков и прозрачного стеклянного пола, под которым колыхается вода. Механизм, установленный внизу, гонит по ней легкие волны. Боковые стены украшают два гигантских аквариума с экзотическими рыбами, а прямо напротив – сцена в форме пирамиды, состоящей из широких ступеней, каждая из которых оборудована шестью различной длины. У верхнего шеста в данный момент танцевала потрясающе красивая блондинка в стрингах и тоненькой полоске прозрачного материала на высокой груди. Ничего пошлого: ее движения выглядели грациозно и артистично, словно она танцевала на сцене Большого театра в белой пачке Лебеда, а не в зале ночного клуба практически в костюме Евы.

Портье, сопровождающий Риту, тихо кашлянул. Она встрепенулась и посмотрела на него.

– У нее генеральный прогон, – пояснил парень, понизив голос до шепота, хотя из-за громкой музыки девушка все равно вряд ли могла их слышать. – Основная труппа тренируется на втором этаже. Пройдемте?

Конечно, ведь она для того и пришла, а вовсе не за тем, чтобы пялиться на полуголую девицу, ласкающую стальной шест, словно любовника. И все же она с трудом заставила себя не оглядываться, поднимаясь по лестнице: было в этом танце что-то невыносимо эротичное, завораживающее. «Представляю, – подумала Рита, следуя за охранником, – какое впечатление это производит на *мужчин!*»

Если бы не вездесущий Павел Мелихов, репортер светской хроники, ей ни за что сюда не попасть: столик требовалось заказывать не меньше чем за месяц, а уж в репетиционный зал, святая святых, никому и вовсе хода не было. Сюда ходят уважаемые бизнес-леди в вечерних платьях, богатеи в пиджаках от «Верлена» и знаменитости всех мастей. «Океан» считается закрытым клубом, и членство в нем зависит не столько от того, сколько ты стоишь, сколько от того, кого ты знаешь. Сюда попадают только по личной рекомендации одного из уважаемых постоянных клиентов. Из таких клубов не ведутся телерепортажи, о них лишь пишут в специальных изданиях: эти люди тщательно оберегают свою частную жизнь.

– Вам сюда, – сказал сопровождающий и распахнул перед Ритой дверь. Войдя, она зажмурилась: даже в театре своего отца, большого любителя внешних эффектов, она не видела столько зеркал и отраженных в них светильников. Еще до того, как глаза привыкли к слепящему свету, Рита услышала знакомый голос, говорящий:

– Минус два кило как минимум – ты меня поняла, Соня?

Звучал он мягко, но впечатление было обманчивым: стальные нотки в тоне не оставляли места сомнению в серьезности произносимых слов. О, как знакомы Рите эти слова: минус два кило, минус полкило... Такое впечатление, что место действия – рынок, мясной ряд! С другой стороны, где вы видели *толстую* балерину? Однако Рита не предполагала, что для стриптизерш, пардон, *эротических танцовщиц*, существуют те же жесткие правила по контролю веса. Девушки, выстроившиеся в шеренгу перед требовательным «оценщиком», выглядели роскошно – не то что воздушные, бестелесные балерины, которых, кажется, унесет первый порыв ветра. Высокие, грудастые, с крепкими, налитыми ягодицами и волосами, какие увидишь только в рекламе шампуня. Однако взгляд Риты приковал к себе строгий критик. После месяцев поисков, беготни по всему Питеру и бесконечных бесед с огромным количеством народа она наконец у цели! Восемь долгих лет прошло с тех пор, как они встречались в последний раз, и тогда это был *enfant terrible*, эдакий балованный ребенок, любимец публики и женщин, одно присутствие которого придавало любой тусовке оттенок богемности. В то

время он купался в славе и поклонении. Рита и сама пала жертвой его обаяния, хотя и считала себя гораздо мудрее дурочек, осаждавших служебный вход Мариинского театра после спектакля в надежде поймать благосклонный взгляд своего идола. Его лицо с точеными чертами и «такими высокими скулами, что о них можно порезаться», как писала одна из газет, украшало афиши и рекламные плакаты фирмы Hugo Boss – большая редкость для театральной знаменитости. Игорь Байрамов. Он изменился. Отпустил волосы, и теперь крупные завитки доходили до основания шеи. Лицо его украшала ухоженная венецианская борода, но глаза все те же – миндалевидные, темно-карие, как у оленя.

Рита изо всех сил старалась не пялиться, но не могла отвести глаз. В этот момент Байрамов, стоящий лицом к двери, наконец, заметил незваную гостью.

– Ладно, – произнес он, обращаясь к девушкам, – все свободны – десять минут!

Вот, значит, сколько времени он ей отвел?

Танцовщицы с явным облегчением покинули помещение. Когда они проходили мимо, Рита заметила, что их гладкая, загорелая кожа блестит от пота.

– Так вот кто пришел от *самого* Синявского! – протянул Байрамов, как только его последняя подопечная вышла из зала. – А я-то голову ломаю! Неужели папочка решил, что ты все-таки можешь на что-то согдиться?

Начинается! Разве могло быть иначе, разве мог он не пустить в ход свой ядовитый язык с первой же минуты?

Рита выросла с сознанием, что не оправдала надежд *великого* отца, знаменитого хореографа и балетмейстера, известного во всем мире. Она не стала балериной и поэтому что бы ни делала, каких бы успехов в жизни ни добивалась, Григорий Синявский давно поставил на дочери жирный крест. Двое других детей имели право если не на его любовь, то хотя бы на снисхождение, но Рита – другое дело. Она обладала способностями, но «зарыла талант в землю» и таким образом, по мнению отца, не состоялась как личность. Рита ненавидела балетное училище, его жесткую, а порой жестокую дисциплину. Ее свободолюбивая натура восставала против коварного соперничества, царившего среди совсем еще юных созданий в белых пачках и балетных туфельках, в которые прятались изуродованные изнурительными упражнениями ступни. Риту душила атмосфера зависти и злобы, исходящая от этих, казалось бы, невинных девчушек. Они знали, что она – дочка *Синявского*, главного ведущего хореографа-балетмейстера Мариинского театра, образчик nepотизма, затесавшийся в их среду. Самым ужасным было то, что Рита действительно проявляла определенные способности, но этого ее однокурсницы не замечали. Они видели в ней соперницу, перед которой, независимо от талантов, заранее открыты двери в Большое Искусство. Они же, добивавшиеся признания собственным горбом и не имевшие «волосатой лапы» за спиной, могли в любой момент вылететь из училища, потому что недостатка в способных балетных девочках нет. И Рита взбунтовалась. Мать, бывшая балерина, лично познавшая все «прелести» профессии, встала на ее сторону, на некоторое время став для мужа врагом номер один. Приняв решение бросить учебу, младшая дочь потеряла право на отцовскую любовь. С тех пор Рита из кожи вон лезла в попытках доказать ему, что может добиться успеха на другом поприще: ни отличные оценки в школе, ни красный диплом об окончании юридического факультета университета не смогли вернуть дочери расположения отца. Именно поэтому, когда Синявский попросил ее найти Игоря Байрамова, она не стала возражать, готовая рыть носом землю, лишь бы угодить сурового родителя. И вот теперь ей напомнили обо всех неудачных попытках стать хорошей дочерью! Рита так хотела ответить Байрамову что-нибудь едкое, но вместо этого сказала только:

– Ты изменился за прошедшие годы!

– А ты нет, – усмехнулся он. – Все так же стремишься угодить папочке! Что понадобилось от меня *Великому* и *Ужасному*?

Так за глаза называли Синявского в Мариинке. Называют и сейчас, хотя Григорий Сергеевич давно оставил Мариинский театр из-за ссоры с новой администрацией. Он посчитал их временщиками и предрек скорый конец труппе, если позиция «командования» не изменится. И оказался прав: через полгода после его ухода балетная труппа и в самом деле оказалась на грани развала, так как почти все именитые балерины и танцовщики разбежались кто куда. Рита знала, что отец приложил к этому руку, предложив людям работу в своем новом театре. Конечно, Мариинка – это имя, но и Синявский – тоже!

– Папа взялся за новый проект, – начала она под пристальным немигающим взглядом Байрамова. – Балет под названием «Камелот». Его финансируют французы. Шоу дорогостоящее, и папе нужны лучшие кадры, поэтому он попросил меня пригласить тебя танцевать Ланс...

– Я больше не танцую, – резко оборвал ее Байрамов. – И твой папаша об этом прекрасно знает. Меня удивляет, что ты вообще появилась здесь с подобным предложением!

– По-моему, с ногой у тебя все отлично, – возразила Рита. – И я слышала, что ты успешно прошел несколько курсов реабилитации...

– Ах, вот как, ты *слышала!* Что ж, теперь я хожу без трости, и нога больше не болит, но я не танцую – и точка. Кроме того, будь у меня выбор, я все равно не пошел бы к Синявскому. Возвращайся к папочке и скажи, что опять не смогла стать хорошей девочкой и выполнить высочайшее повеление. Напомни ему, что есть люди, которые не обязаны дрожать от счастья только потому, что дышат одним воздухом с *великим* Григорием Синявским!

Его рот кривился, буквально выплевывая слова ей в лицо.

Выйдя, вернее, пулей вылетев из помещения, Рита бросилась к выходу. Охранники с удивлением наблюдали, как она почти бегом пересекла зал и выскочила на улицу, забыв забрать из гардероба шубу. Пришлось вернуться, но сделала она это с неохотой, лишь почувствовав, что десятиградусный мороз кусает ее за открытые части тела. Рита оставила авто на платной стоянке в двух кварталах от «Океана», потому что стоянка клуба предназначалась только для постоянных клиентов, и весь путь до машины проделала бегом. Она задыхалась от злости и обиды: как мог Байрамов разговаривать с ней в подобном тоне? Откуда в нем столько ненависти – где бы он был, если бы не ее отец?!

Восемь лет назад произошло нечто, что навсегда развело Григория Синявского с его любимым учеником. В балетной среде об этом не распространялись, данная тема представляла собой одно из многочисленных «табу», связанных с громкими именами. Однако СМИ в свое время вдоволь насладились моментом, раздув из случившегося сенсацию. Игорь Байрамов пропал не только со сцены, но и выпал из жизни всех, кто его близко знал. Он стал жертвой дорожной аварии, сев за руль в пьяном виде. В то время Рита жила за границей и собиралась там остаться, выйдя замуж за человека, который, как ей тогда казалось, способен залечить ее душевные раны, оставшиеся от романа с Байрамовым. По телевидению промелькнул сюжет о том, что всемирно известный солист Мариинки разбился на машине, и она не поняла, выжил он или нет. Рита помнила, как бросилась к телефону, чтобы позвонить матери, но трубку никто не снимал, и она с ума сходила от беспокойства. Только на следующий день ей удалось поговорить с мамой, и та сообщила, что Игорь действительно серьезно пострадал, но, к счастью, жив. Она просила Риту ни в коем случае не приезжать, но та, не послушавшись, бросила все и прилетела в Питер. Байрамов четверо суток пролежал в коме, и Рите так и не удалось с ним увидеться. Тем не менее обратно она улетела только тогда, когда врачи объявили, что его жизнь вне опасности. О том, сможет ли он вернуться на сцену, не шло и речи. Рита отправлялась в Лондон с тяжелым сердцем. Сходя с трапа самолета в аэропорту Хитроу, она понимала, что у ее планируемого брака нет будущего: чувства к Игорю ничуть не остыли, и ее собственная реакция на то, что с ним случилось, лишний раз это доказывала. Однако потребовалось время, чтобы собраться с духом и сказать Мэтту, что свадьбы не будет. Вернувшись домой, Рита узнала,

что Игорь на реабилитации в Израиле. Никому ничего не сказав, она рванула туда... Это была самая большая ошибка в ее жизни. До сих пор, вспоминая о своем необдуманном шаге, Рита испытывала стыд. Утешало лишь то, что Байрамов так и не узнал о ее визите!

И вот теперь он разговаривает с ней так, словно она в чем-то перед ним провинилась. Да как он смеет?! Почему отец поручил это дело ей? Синявский и Байрамов давно прекратили всякое общение, но она не вдавалась в подробности, почему – в душе и так осталось слишком много шрамов, чтобы рисковать получить новые. Рита всегда поражалась тому, как эти двое находили общий язык – столкновение амбиций и сильных характеров обычно исключает близкое общение. Тем не менее много лет отец и Игорь были неразлучны. Рите иногда казалось, что Байрамов – родной сын Синявского, а ее с братом и сестрой взяли из детдома! Но она точно знала, что это не так. Отец отправил ее к Игорю после стольких лет именно потому, что знал: Байрамов не станет разговаривать с ним. Возможно, размышляла Рита, Игорь считал, что Синявский его предал? Но что мог поделать отец, если Байрамов потерял способность танцевать? В конце концов, именно его, Игоря, глупость привела к такой развязке, ведь это он сел за руль нетрезвым!

Рите предстоял тяжелый разговор с отцом, и она не торопилась трогаться с места, без движения сидя в своем «Фольксвагене», уставившись в грязное пятно на ветровом стекле, оставленное в ее отсутствие проказливым голубем. Григорий Синявский любит, чтобы все происходило в соответствии с его желаниями, и не терпит провалов. Недоброжелатели упрекали его в уверенности, что мир вращается вокруг него, поклонники и ценители искусства полагали, что гений имеет право на любую придурь. Даже уйдя со скандалом из Мариинского театра, он не стал менее популярен. Администрация обвиняла его в неуживчивости и мании величия, в то время как он успешно творил за границей. Потом Синявский вернулся в Россию и основал собственную балетную школу и труппу. Рита никогда не задумывалась над тем, где он взял деньги на столь дорогостоящее предприятие. За время работы за рубежом Синявский отошел от классического репертуара. Он оказался неплохим бизнесменом и понял, что классика уже далеко не так популярна, как двадцать лет назад. Он создал собственный стиль, смешав различные танцевальные жанры, и вернулся на родину не побежденным, как надеялись его недруги, а триумфатором. Он привык к тому, что его слово последнее и решающее. В семье его авторитет столь же непререкаем, как и в его труппе. И вот теперь Рита должна сказать отцу, что Игорь Байрамов *не желает* иметь с Григорием Синявским никаких дел и предпочитает обучать стриптизерш, нежели принять предложение участвовать в проекте, за право быть частью которого большинство танцовщиков отдали бы все на свете!

Глава 2

Как и ожидалось, отец рвал и метал, когда Рита передала ему ответ Игоря. Он не стеснялся в выражениях, хотя в помещении присутствовали вся труппа и один из французских инвесторов с дочерью. Последний недостаточно хорошо говорил по-русски, зато девушка прилично владела языком и оказалась в состоянии понять ненормативную лексику, которая так и сыпалась из Синявского мелкой дробью.

– Ты должна была не просто найти Байрамова, но и притащить его сюда... Да хоть волоком! – вопил он, и жилы на худой шее директора театра вздувались, словно канаты. – Ты *ничего* не можешь довести до конца!

Краем глаза Рита видела, что большинству присутствующих откровенно неудобно быть свидетелями «семейной» сцены. Лишь на нескольких женских лицах читалось злорадное удовлетворение: как и в хореографическом училище, у Риты в труппе были соперницы (даже несмотря на то что она не танцевала!), и им доставляло удовольствие наблюдать за тем, как Великий и Ужасный устраивает разнос собственной дочери. Повернувшись лицом к замершей труппе и опешившим французам, Синявский заявил:

– В общем так: либо в проекте участвует Байрамов, либо *не* участвую я. Этот засранец – единственный, кто способен станцевать партию так, как я ее вижу. Мне плевать, как вы это сделаете, но без Байрамова не будет «Камелота»!

С этими словами он вылетел из зала, громко хлопнув дверью. Труппа загудела как пчелиный улей. Многие из танцовщиков не входили в постоянный состав и были набраны по конкурсу специально для участия в проекте, которому еще до начала репетиций прочили большой успех и огромную кассу. Велись переговоры о прокате шоу в странах Евросоюза и США, и вся затея могла сорваться из-за одного несговорчивого участника! Для постоянной труппы, впрочем, трагедия не имела огромных масштабов, но для остальных случившееся означало, что придется утереться и отправиться восвояси в поисках другой работы. Рита все это понимала, поэтому с жалостью смотрела на молодых мужчин и женщин, которые, несомненно, считали ее главной виновницей свалившегося на них несчастья.

Леон Серве, французский инвестор-меценат, присутствовавший во время скандала, подошел к Рите. Его дочь Жаклин поспешила присоединиться, чтобы помочь с переводом, но Рита и сама отлично владела французским, поэтому помощи не требовалось.

– Я не ослышался, это не тот ли Байрамов, который разбился восемь лет назад?

– Тот самый, – вздохнула Рита.

– И мсье Синявский хочет, чтобы он... *танцевал*? – уточнил француз.

Она кивнула, но, заметив недоумение в глазах собеседника, спохватилась:

– На самом деле он не разбился. Игорь жив и здоров и работает... в одном танцевальном шоу.

Отец и дочь переглянулись. Рита чувствовала себя неудобно. Жаклин – интеллигентная молодая женщина, разбирающаяся и в искусстве, и в хороших манерах, поэтому Рита внутренне краснела при мысли, что отец позволил себе в ее присутствии непечатные выражения. Уж Леон-то ни за что не повел бы себя подобным образом!

– Вы понимаете, Рита, – по-русски начала Жаклин, – наше шоу *рассчитано* на вашего отца. – В речи француженки присутствовал легкий акцент, придававший ей пикантности. Она не коверкала слова и почти не делала ошибок в грамматике. – Имя Григория Синявского и его талант обеспечивают кассовые сборы! Под эти гарантии мы убедили других инвесторов вложить средства в проект. Если ваш отец откажется участвовать, то, так как он подписал контракт, ему придется выплатить колоссальную неустойку. Кроме того, пострадают люди, кото-

рых мы набрали для участия в шоу. Вы должны убедить его изменить решение или заставить Игоря Байрамова принять предложение. Вы же юрист и сами все понимаете, верно?

Рита понимала, но не видела выхода из создавшейся ситуации. Она ни за что на свете не пойдет снова к Байрамову, даже если ее предать вечной анафеме!

– Плохи наши дела, да? – услышала она голос за спиной и обернулась. Это оказался Митя Строганов, премьер труппы, который, один из немногих, понимал ее положение. Его голубые глаза участливо смотрели на Риту, а улыбка была печальной.

– Я знаю папу, – вздохнула она. – Без Байрамова не будет «Камелота».

Митя помолчал с минуту, а потом вдруг сказал:

– Дай мне адрес этого клуба, я попробую уговорить его.

– Ты что! – воскликнула Рита. – Он не желает даже слышать имя отца, он не станет с тобой разговаривать!

Танцовщик слегка подмигнул правым глазом.

– Это тебе неудобно его спрашивать, – сказал он. – Сама знаешь, мы переживаем не лучшие времена, нам нужны деньги и это шоу! Иначе многим придется туго. Я пойду к нему и стану умолять, я готов унижаться, если это поможет делу. В конце концов, у Игоря есть право обижаться на Григория Сергеевича.

– Право? – переспросила Рита. – Какое такое право, Митя?

– Ну, это их дела, а мое дело – вернуть Игоря в коллектив, – уклончиво ответил тот. – Так ты дашь мне адрес или нет?

Возвращаться домой в этот вечер Рите не хотелось. Она жалела, что поддалась на уговоры матери и сдала однокомнатную квартиру, доставшуюся ей после бабушкиной смерти. Рита намеревалась жить там сама, но мама, скучавшая по разъехавшимся в разные края старшим детям, хотела, чтобы хотя бы младшая оставалась с родителями. В данную минуту Рита завидовала сестре Катерине, которая работала в небольшом английском университете недалеко от Манчестера, была погружена в проблемы химии тяжелых металлов и своей собственной семьи, в которой росли трое мальчишек, почти не говорящих по-русски. Она звонила родителям раз в два-три месяца и по праздникам. Брат Михаил жил не так далеко, в Токсово, но навещался домой редко, так как имел жену и любовницу, которым требовалось в равной степени уделять время, и на отца с матерью его почти не оставалось. Поэтому Рита оказалась единственной, кто должен вставать на сторону матери, когда они с отцом ссорились, а случилось это регулярно. Наталья Ильинична, Ритина мама, женщина с сильным характером – другая просто не смогла бы выносить Григория Синявского вот уже в течение тридцати пяти лет. Бывшая балерина, она отказалась от карьеры ради мужа, который сказал, как всегда, безапелляционно: «Лучше быть хорошей домохозяйкой, чем плохой балериной», и занялась воспитанием детей и обустройством семейного быта. В доме все делалось для удобства Григория Синявского, его решения не обсуждались и не оспаривались. Возможно, поэтому, думала Рита, идя по заснеженной улице от стоянки, где оставила на ночь свой «Фольксваген», ее сестру и занесло в такую даль, и брат так редко навещался к родителям. Им надоело вытягиваться по струнке при появлении отца, соответствовать его собственным понятиям об успешной жизни и карьере и видеть мать постоянно старающейся ему угодить. Только Рита так и не сумела оторваться от родителей, а возможно, просто не успела: к тому моменту, как она начала осознавать свою самостоятельность, старшие уже разбежались, и совесть не позволила ей последовать их примеру.

Проходя мимо витрины универмага, расположенного на первом этаже ее дома, Рита на мгновение задержалась. Из зеркальной глубины на нее смотрела молодая женщина, высокая и стройная, с пепельно-русскими волосами, собранными в роскошный «конский хвост» и удлинённым овальным лицом. Такие лица можно увидеть на русских иконах или картинах Ильи Глазунова, но их несовершенная, неброская красота как-то не вписывается в бешеный ритм тепе-

решней жизни. Наверное, ей все-таки следовало выйти замуж за Мэтта... Он восхищался ею, считал красавицей и гордился, представляя друзьям и коллегам. Мэтта ждало блестящее будущее в фирме дяди, занимающейся водолазным снаряжением, а Рита стала бы наконец самостоятельной! Но нет, в дело, сам того не подозревая, вмешался Игорь Байрамов и все разрушил. Рита хотела ненавидеть его, но понимала, что сама сделала выбор, а сейчас пытается кого-то обвинить в собственных несчастьях.

За ужином отец почти не разговаривал, его общение с женой сводилось к просьбам передать хлеб или налить еще чаю. На дочь он даже не глядел, словно она и не присутствовала за столом. Покончив с едой, Григорий Сергеевич заперся в кабинете и не выходил до тех пор, пока женщины не отправились спать. Рита рассказала матери о том, что произошло днем между ней и отцом и о своем разговоре с Байрамовым. Выслушав возмущенную тираду дочери о хамском поведении последнего, Наталья Ильинична рассмеялась.

– Узнаю Игорька, – сказала она. – Ему палец в рот не клади! Если и есть кто-то, кто не боится твоего папу, так это он. Они частенько ругались в пух и прах, но приходил мириться первым всегда твой отец.

Слова матери явились откровением для Риты. Она редко присутствовала при общении Байрамова и Синявского, а когда это случалось, Игорь беспрекословно подчинялся указаниям учителя.

– Да-да, котенок, – улыбнулась Наталья Ильинична, заметив вопрос в глазах дочери. – Одно дело, когда они общались как балетмейстер и танцовщик, а другое – как мужчина с женщиной. У обоих бешеный темперамент, когда они спорили, проводка перегорала! Боюсь, на этот раз твоему отцу придется туго: об этот орешек он может зубы обломать.

Раз уж разговор приобрел столь откровенный характер, Рита решила задать мучавший ее вопрос:

– Мама, за что Игорь ненавидит папу? Когда я разговаривала с ним, в нем чувствовалась такая злоба, что становилось не по себе.

Мать покачала головой.

– Что-то случилось, как раз перед аварией, после которой Игорь ушел из балета, – задумчиво ответила она. – Твой папа мне не рассказывал, но, похоже, дело серьезное. Да ты и сама помнишь, как он злился, когда при нем упоминали имя Игоря!

Рита не забыла. Не забыла, как, вернувшись из Англии, спросила у отца про Байрамова, и как тот разъярился и заорал, что знать не знает об этом человеке и что через месяц все остальные тоже забудут о том, что существовал такой танцовщик. Он кричал, что если бы не он, Григорий Синявский, вообще не было бы никакого Байрамова, и что только бешеная собака кусает кормящую ее руку.

В какой-то степени он прав. Никому не известный мальчик из Баку никогда, скорее всего, не стал бы знаменитым Игорем Байрамовым, если бы много лет назад Григорий Синявский не поехал в гости к школьному приятелю и не попал по чистой случайности на детский фольклорный концерт. В тот момент, когда он вошел в зал, на сцене лихо отплясывал восьмилетний остроглазый пацанчик в национальном азербайджанском костюме. В том танце отсутствовало даже само понятие о технике, но в движениях сквозила такая природная грация, такой интуитивный подход к исполнению фигур, какие встречаются крайне редко. Разумеется, Григорий Синявский не смог пройти мимо. Выяснилось, что у мальчика большая семья: помимо него у отца с матерью еще шестеро детей. Мать оказалась русской, отсюда и имя «Игорь»: старшие сыновья имели азербайджанские имена, и отец согласился, чтобы самого младшего назвали в честь русского тестя. Жили они бедно, поэтому, недолго посоветовавшись, согласились отправить сына в Петербург, где он мог чего-то добиться. Родители понимали, что Игорю будет лучше с Синявским. Кроме того, отпадала необходимость кормить лишний рот, ведь заезжая знаменитость обязалась взять расходы по пребыванию ребенка в Питере на себя. Мать и сестры

немного поплакали, провожая паренька в дальний путь, и он благополучно отбыл в Северную столицу России. Балетное училище по сути своей являлось интернатом, но Синявский решил поселить юное дарование у себя дома. Кроме того, возникла проблема: Игорю едва-едва исполнилось восемь, а в училище принимали только с девяти лет. По требованию Григория Сергеевича было сделано исключение из общепринятых правил. Мальчишка оказался на удивление трудоспособным, схватывал все на лету и, казалось, был лишен понятия об усталости. Синявский искренне восхищался новобранцем и говорил, что тот обладает «сиянием». Это слово по отношению к танцу изобрел сам балетмейстер и всех балетных делил на тех, у кого «сияние» есть, и тех, у кого оно отсутствует. Синявский признавал, что хорошо танцевать можно и без него, но не сомневался, что стать великим танцовщиком или балериной может лишь тот, кто им обладает. Десять лет Игорь и дети Григория Сергеевича жили бок о бок, и Синявский привык считать парня членом семьи. Он и представить не мог, что в один прекрасный день все изменится! Узнав о романе младшей дочери и Игоря, Григорий Сергеевич пришел в ярость. Причем злился он не на своего подопечного, а на собственную плоть и кровь, считая, что она мешает карьере Игоря. В течение полутора лет отношения молодых людей с Синявским были весьма натянутыми, и он настаивал на разрыве. Игорь был не готов расстаться с Ритой, и в конце концов ей пришлось взять инициативу на себя. Она отлично сознавала, что отец вполне может устроить Байрамову обструкцию, лишив его и собственной поддержки, и карьерных перспектив. Рита также понимала, что для Игоря танцевать гораздо важнее, чем все остальное в жизни, только сам он ни за что не уступит – не потому что не боится все потерять, а лишь потому, что не выносит давления. Рита сказала Игорю, что между ними все кончено. Она не потрудилась объяснить свои мотивы, понимая, что они его не устроят. Снова все получилось так, как хотелось Синявскому, но он и не подумал оценить поступок дочери: то, что для нее выглядело как самопожертвование, ему казалось торжеством здравого смысла!

Так что, думала Рита, у ее отца есть все основания считать, что без него Игорь Байрамов никогда не стал бы тем, кем стал. Он вложил в него столько душевных и физических сил, сколько не доставалось ни одному из его воспитанников, а Игоря никто не назвал бы неблагодарным. Почему же горячая любовь переросла в жгучую ненависть?

На следующий день Рита не пошла в театр: ведя дела отца по новому проекту, как юрист и переводчик, она старалась пореже навещать его вотчину, так как ее нервы с трудом выдерживали царившую там обстановку. Труппа боялась Синявского как огня. С замиранием сердца танцовщики следили за выражением его лица, пытаясь предугадать, кому достанется на этот раз. Он был «безжалостен до жестокости и талантлив до гениальности», как охарактеризовала его в каком-то интервью одна из бывших коллег, прима Мариинки Ксения Егорова. Она вспоминала, как, будучи его ученицей, стояла вместе с другими девочками, опустив глаза от страха и стараясь слиться с окружающей средой, только бы цепкий взгляд балетмейстера не нащупал в ней слабинку. Он любил прицепиться к кому-нибудь со словами типа:

– Я подумываю о том, чтобы перенести действие «Лебединого озера» куда-нибудь в Центральную Африку, тогда «Танец маленьких лебедей» можно с чистой совестью переименовать в «Пляску маленьких гиппопотамов». С каких это харчей, мадам, вы так разъелись, что партнер не в состоянии вас поднять? Может, вам стоит подумать о драме, где вес не имеет значения? Офелию вам не играть, но вот на роль няньки Джульетты – прямо хоть сейчас. Уж не беременны ли вы часом, дорогуша?

И так далее, и тому подобное. Говорил он все это хрупким девушкам весом в сорок килограммов, доводя их до истерики. Они сидели на строгих диетах, падали в голодные обмороки, репетировали до изнеможения, но на сцене выглядели обворожительно! Однако вечером Рита испытала шок: придя домой, отец, сияя, вручил матери букет белых роз и поставил на стол бутылку «Мерло». Приобняв дочь за талию, он поинтересовался, чем она весь день занималась, лишив ее дара речи. Наталья Ильинична, не менее Риты удивленная подобной сменой

настроения, поинтересовалась, что такого произошло, что привело ее мужа в столь прекрасное расположение духа.

– У нас *есть* Ланселот! – с торжествующей улыбкой ответил Григорий Сергеевич. – Байрамов согласился!

Неужто Мите и в самом деле удалось уломать Игоря?! На следующий день, едва дождавшись обеденного часа, Рита стремглав бросилась в театр. Она попала в перерыв, устроилась в темном зале. Глядела на сцену, где в расслабленных позах сидели или стояли члены труппы. Байрамов расположился с краешка, скрестив ноги по-турецки, а Жаклин Серве растирала ему плечи. Еще два дня назад они даже не были знакомы! Судя по выражению лица Игоря, он пребывал в нирване и не заметил прибытия Риты. Зато заметил Митя. Он подошел и подмигнул, плюхаясь рядом на сиденье.

– Как тебе удалось? – только и смогла спросить она.

Парень загадочно покачал головой.

– Еще один мой талант! – рассмеялся он. – Когда выйду в тираж, займусь дипломатией. Но, – заметил он уже без улыбки, – надо сказать, пришлось нелегко. К счастью, у Игоря при наличии множества недостатков есть совесть, и я к ней воззвал.

Рита посмотрела в веселые голубые глаза Мити. Они так непохожи с Байрамовым, но считаются друзьями. Митя – неконфликтный, милый, добродушный, его в труппе любят. Даже его внешность – светлые волосы, мягкие линии лица – говорит о хорошем характере, который трудно сохранить в балетной среде. Когда Синявский со скандалом ушел из Мариинки, именно Митя первым последовал за ним. Он пожертвовал состоявшейся карьерой, чтобы с нуля начать со своим учителем. Не проиграл, но ведь он здорово рисковал!

Игорь Байрамов, напротив, весь состоит из острых углов: яркий и стремительный, он не доказывает, что он – лучший, а просто им является, и с этим никто не может спорить. Другей у него мало, но есть удивительная способность наживать врагов. Зато никто не остается равнодушным. Если кто-то нравится Игорю, это сразу очевидно, если нет – тоже. Его ненавидят, им восхищаются, ему поклоняются. Все это он принимает с олимпийским спокойствием человека, знающего себе цену. Как такие разные люди могут быть друзьями? Но даже Митя не настолько близок к Байрамову, чтобы тот поставил его в известность о своей жизни после исчезновения со сцены.

Громко хлопнула дверь в правой кулисе – так Григорий Синявский предупредил о своем появлении. Все подобралось, готовые к «бою». Жаклин спустилась в зал и, заметив Риту, направилась к ней. Григорий Сергеевич находился в приподнятом настроении, поэтому лишь слегка «куснул» некоторых своих подопечных и приступил к репетиции. Рита знала, что у труппы всего четыре месяца на то, чтобы выпустить спектакль, сроки жестко установлены инвесторами, поэтому график репетиций очень плотный. Сюжет «Камелота» строился на произведениях Томаса Мэллори, но в целом включал всего одну сюжетную линию, по которой король Артур представал объединителем Британии, великим и мудрым правителем, а Ланселот, его главный соратник и друг, являлся выразителем мнения простого народа. Несмотря на возражения французского автора, работавшего над сценарием шоу, решено было ввести любовную линию между женой короля Гвиневрой и Ланселотом. Таким образом, роль Байрамова расширилась, и он фактически стал главным действующим лицом представления. Партию Артура, значительно урезанную Синявским, исполнял Дмитрий Строганов, роль королевы отводилась молодой приме. Масштабность проекта представлялась невероятной: костюмы шил знаменитый московский модельер Никита Волков, декорации заказали в Японии. Кроме того, предполагалось широко использовать компьютерную и световую технику. Но ключевым звеном оставались исполнители и Григорий Синявский, которому предстояло сделать из проекта долгоиграющий хит. В процессе ему пришла идея использовать в шоу элементы риверданса, самым ярким исполнителем которого считается американец ирландского проис-

хождения Майкл Флэтли. Сегодня как раз репетировалась сцена с ривердансом. Ланселот танцует с королевой и крестьянами на сельском празднике, а Артур, подогреваемый недругами рыцаря, сгорает от ревности. По сюжету крестьянские девушки пытаются заставить Ланселота потанцевать с ними, он соглашается. Потом к ним присоединяется королева, но король упорно отказывается от приглашения. В конце концов Гвиневре удается увлечь короля танцем. Он на короткое время забывает о нашествиях врагов и возвращает свое расположение Ланселоту.

Музыка, использованная в отрывке, нравилась Рите: она наведала мысли о зеленых полях и пастбищах, о спокойной и размеренной сельской жизни и в то же время была заразительно веселой и жизнерадостной. Начинали танец две девушки, по ходу к ним присоединялись группами еще несколько, после чего вступали мужчины. В ривердансе главным элементом являются движения ног, набор сложных элементов, направленных на нижнюю часть тела, тогда как верхняя должна оставаться неподвижной.

Рита любила наблюдать за отцом в процессе работы, особенно в минуты его хорошего настроения и вдохновения. Он выглядел увлеченным, четко очерчивал движения и комментировал каждый жест, расставляя акценты, ведь в искусстве, лишенном слов, пластика является единственным выразителем чувств и эмоций. В такие моменты Синявский не был отцом, на которого она могла обижаться или злиться. Он был создателем *волшебства*, и вся труппа казалась единым организмом, который беспрекословно подчинялся каждому импульсу своего «мозга» – Григория Синявского.

Что-то не получалось, и Рита видела, что отец начинает закипать. Он несколько раз прерывал танец в момент вступления Байрамова. Рита не могла понять, что не устраивает Григория Сергеевича, и внимательно наблюдала за движениями Игоря, в особенности за тем, как он орудует травмированной ногой, но ничего не замечала. Ей казалось, что все идеально, а поддержки – просто колоссальны по исполнительскому мастерству. Так же думала и сидящая рядом Жаклин, но балетмейстер рвал и метал.

– Что, черт возьми, у тебя с ногами? – вопрошал он, ударяя Игоря носком по лодыжке. – Ты словно на костылях! Если не готов танцевать, так и скажи!

Рита видела, как заходили желваки у Байрамова, как вся его стройная жилистая фигура напряглась, словно он вот-вот бросится на отца. Но Игорь ничего не сделал и даже не сказал, лишь сжал зубы и продолжил выполнять требования. Напряжение постепенно спало. Рита не знала, сколько времени зачарованно наблюдала за происходящим, но, случайно взглянув на часы, спохватилась: ей давно надо быть в конторе! Правда, никто ничего не скажет, ведь она сама себе хозяйка. Несколько лет назад шесть женщин-адвокатов решили объединиться в одно агентство, и Рита оказалась в их числе. Они наработали базу данных и специализировались в различных областях права. Нельзя сказать, что жировали, но на кусок хлеба с маслом зарабатывали. Так что Рита могла позволить себе опоздать.

Вечером отец позвонил часов в восемь и попросил заехать в театр. Рита удивилась: почему не обсудить дела дома? Идя по коридору к отцовскому кабинету, она услышала крики:

– Напрасно ты считаешь себя незаменимым! – гремел голос Синявского. – Да, я настаивал на твоём участии, но если начнешь мне разваливать труппу, то я вышвырну тебя вон! Вернешься к своим «балеринам» в стрингах, которые только и умеют, что сиськами перед богатыми мужиками трясти! Если повезет, найдешь себе спонсоршу с толстым задом! До твоего появления ребята и слова мне не говорили, просто делали свою работу, а теперь, вишь, огрызаются – как же, такой пример перед глазами... Так вот что я тебе скажу: может, восемь лет назад ты и представлял из себя *что-то*, но сейчас ты – ноль без палочки. Я хотел наладить отношения, думал, поймешь и умеришь спесь, но нет, – мы такие гордые, нам палец в рот не клади! Не забывай, где бы ты был, если бы не я!

– А ты не забывай, где бы *ты* был без *меня*! – услышала она голос Байрамова, походивший на шипение разозленной змеи. – Не смей повышать на меня голос в присутствии остальных,

я не твой лакей! Хотел успокоить больную совесть, пригласив меня, но не желаешь признать, что это *ты* нуждаешься во мне, а не наоборот! Я не позволю снова разрушить мою жизнь, так и знай. Можешь измываться над другими, а я не твой мальчик для битья. Мне есть что рассказать, если ты меня вынудишь!

Хлопнула дверь, и спустя несколько мгновений мимо Риты пронесся Байрамов. Она вжалась в стену, и в темноте коридора он ее не заметил. *Никто* не смел так разговаривать с Григорием Синявским. Она не могла прийти в себя: о чем, собственно, шла речь? Какие такие тайны связывают отца и Игоря?

Она выждала несколько минут и лишь потом вошла в кабинет: отец не должен заподозрить, что она стала свидетелем их с Байрамовым разговора. Если, конечно, можно назвать разговором эту отвратительную ссору! Григорий Сергеевич сидел за столом, курил свою любимую сандаловую трубку и казался скорее задумчивым, нежели рассерженным.

– Есть работка для тебя, – сказал он, не тратя времени на приветствия. – Я еще раз внимательно прочел контракт – в той части, где говорится о сроках. Мне кажется, тут можно что-то сделать, как считаешь?

Сроки?! Неужели отец для этого заставил ее тащиться через весь город, неужели нельзя было подождать до дома? Но, как обычно, Рита не стала спорить и послушно уселась за отцовский стол. Сам отец отошел, чтобы отрегулировать температуру электрического камина, занимавшего почти всю стену. Рабочая часть была небольшой, но портал представлял собой тяжелую мраморную громаду, которую Синявский в свое время специально заказывал в Италии. Рита с трудом заставила себя отвести взгляд от искусственных язычков пламени, весело пляшущих за стеклом, и погрузилась в чтение.

Глава 3

В течение последующих месяцев все вроде бы устаканилось. Между Байрамовым и Синявским время от времени происходили стычки, к которым постепенно все настолько привыкли, что начинали удивляться, когда несколько дней подряд эти двое не собачились. Несмотря на постоянное недовольство директора театра, уже сейчас стало видно, насколько феерическим обещает быть шоу, насколько артисты преуспели в своем мастерстве и сплотились в желании сотворить на сцене чудо. Рита старалась без надобности не посещать репетиции, так как это грозило встречами с Игорем. Не то чтобы это было ей неприятно, но она с некоторых пор начала замечать, что Жаклин проявляет к Байрамову повышенный интерес. Когда Рита случайно застала парочку мирно беседующей в перерыве или смотрела им вслед, когда они, держась за руки, выходили из театра, ей хотелось догнать Байрамова и вцепиться в его красивую холеную физиономию ногтями. Она отлично сознавала, что испытывает банальную ревность, но ничего не могла с этим поделать.

Со спектаклем же все шло как нельзя лучше. Они успевали в срок, уже были доставлены декорации, от которых пришли в восторг решительно все, включая Синявского. Костюмы проходили последние примерки и испытания в движении, ведь ничто не должно стеснять танцовщиков во время выступления. За весь период лишь одно маленькое событие немного обеспокоило Риту. Как-то она засиделась в отцовском кабинете допоздна. Зазвонил телефон, и она сняла трубку. На другом конце провода приятный мужской голос осведомился, с кем он говорит. Она ответила, что с адвокатом Григория Синявского.

– Тогда, полагаю, вы в курсе того, что срок возврата долга истек месяц назад, – сказал незнакомец. – Господин Синявский не дает о себе знать, и мы решили сами напомнить о себе.

– Простите, кто это «мы»?

– Господин Синявский знает.

Рита понятия не имела, о каком долге речь, так она и сказала звонившему, на что он ответил:

– Мы допускаем, что Григорий Сергеевич решил не посвящать вас в это дело, но данный факт ничего не меняет.

Ее слух снова резануло это «мы» – уж больно зловеще оно прозвучало.

– Прошу вас передать господину Синявскому, – продолжал между тем мужчина, – чтобы он завтра же связался он знает с кем, иначе, боюсь, может возникнуть *деликатная* ситуация.

В трубке раздались короткие гудки, а Рита кинулась к отцу с докладом. К ее удивлению, он не выглядел ни расстроенным, ни обеспокоенным, а сказал, чтобы она не забивала себе голову ерундой, и что он завтра же разберется с этим вопросом. Тем не менее, несмотря на вежливость незнакомца, у нее остался от разговора неприятный осадок.

Через несколько дней отцу пришлось отправиться по делам в Москву. Встал вопрос о руководстве труппой в отсутствие Синявского. Он никогда не имел заместителя. Рита не удивлялась, ведь это означало бы разделение обязанностей, следовательно, и авторитета. А двух «генералов» в одном театре быть не могло! В труппе работали несколько репетиторов, но ни один из них не мог полноценно заменить художественного руководителя. Рита предложила отцу кандидатуру Мити Строганова, но Синявский сказал, что все уже улажено: пока он в Москве, во главе постановки встанет Байрамов. Он уехал, наказав дочери каждый день звонить с отчетом о том, как идут дела. Так что, несмотря на нежелание ежедневно сталкиваться с Игорем, Рите пришлось смириться.

В первый же день она почувствовала, насколько свободней и доброжелательней стала обстановка в театре без отца. Байрамов оказался не менее суров в роли руководителя, но не тираничен, и все это оценили. Труппа не то чтобы расслабилась, а как-то оттаяла: то и дело

слышались смех и забавные комментарии к происходящему. А самое интересное, что это не отразилось на усердии танцовщиков. Игорь требовал от них не меньше, чем Великий и Ужасный, но обращался с ними как с профессионалами, не переходя на личности. В этом и состояло главное различие в их методах руководства. Само собой, в телефонных беседах с отцом Рита оставляла свое мнение при себе и лишь сухо излагала факты. В последующие несколько дней у нее почти не было времени заниматься театром, так как навалились два процесса по основной работе, и она чуть ли не ночевала в суде. Ее главным «осведомителем» в этой ситуации стал Митя. Они очень сблизились, и Рите даже начало казаться, что Митя испытывает к ней не только дружеский интерес. Что ж, он симпатичный, забавный, доброжелательный и вполне может составить достойный противовес отношениям Байрамова с Жаклин, которые, судя по всему, заходили все дальше. Если с Игорем Рита находилась в постоянном напряжении, подсознательно вынужденная занимать оборонительную позицию, то с Митей все обстояло иначе, просто и спокойно, без подводных течений.

Однако на третий день, сняв трубку, Рита не узнала Митин голос.

– У нас ЧП! – сбивчиво заговорил он. – Не понимаю, как так получилось, наверное, рабочие напортачили...

– Да что случилось-то? – встревожилась она.

– Понимаешь, наверное, его плохо закрепили...

– Что закрепили? – начала терять терпение Рита. – Говори толком, ты меня пугаешь!

– Прожектор этот дурацкий! – заорал вдруг Митя в трубку. – Он рухнул во время репетиции, когда на сцене была куча народу!

– Есть пострадавшие?! – похолодела она.

– Несколько, – вздохнул Митя. – Да ты не паникуй, ничего особо серьезного...

– Что значит «ничего серьезного»?

Митя замаялся.

– Двое статистов получили травмы, – сказал он наконец. – И Игорь. Его реакция спасла: видимо, услышал треск и успел отскочить, но все равно его задело по плечу и по ноге. Всех троих увезли в больницу. Я решил, что ты захочешь...

– В какой он... они больнице? – перебила Рита.

– Святого Георгия, на Поклонке.

В пути до больницы в воображении Риты возникали картины, одна страшнее другой. Отец оставил ее за старшую. Рита должна была за всем присматривать, а вместо этого неизвестно чем занималась!

Влетев в приемный покой, она кинулась к дежурной медсестре:

– К вам доставили недавно троих с травмами, где они?

Девушка лет двадцати окинула Риту взглядом уставшей от жизни женщины. Ей, наверное, казалось, что нет на свете более беспокойных людей, чем друзья и родственники пациентов. В этот самый момент она мазала кроваво-красным лаком ноготь на мизинце, и появление посетительницы отвлекло ее от этого важного занятия.

– Сюда привозят много кого, – фыркнула она. – Фамилии?

И тут Рита сообразила, что не знает ни одной фамилии, кроме байрамовской. Она даже не спросила у Мити, кто двое других!

– Одного зовут Игорь Байрамов, – сказала она тем не менее. – И... еще двое с ним.

Медсестра послушав палец и начала листать толстую тетрадь. Зачем прямо перед ее носом стоит компьютер, если бедняжке приходится вести записи по старинке?

– Был Байрамов, – соизволила наконец ответить девушка.

– Как его найти?

– Вона, врач дежурный их осматривал, – милостиво ткнула она пальцем в пробегающего мимо крупной рысью низкорослого паренька в белом халате. Рита рванула следом и настигла

его, зажав в узком проходе, в который с трудом мог протиснуться и один человек. От неожиданности молодой врач выронил какие-то папки, и они в беспорядке упали на пол. Ругаясь как извозчик, он принялся собирать документы. Рита помогала ему, одновременно задавая вопросы.

– Был Байрамов, – сказал врач, поднимаясь с коленок. – Ушел.

– Как – ушел? – изумилась она. – Он что, не пострадал?

Врач почему-то разозлился.

– Вы что, девушка, в самом деле! Думаете, к нам сюда здоровых привозят? Только он, как оклемался, вскочил – и деру! Такси вызвал с поста – и бывай здоров. А у него, между прочим, сотрясение средней тяжести и серьезные ушибы. Вот так все: убегают, как подорванные, а потом, кто виноват? Доктор виноват, не доглядел. Так доктор-то один, а вас, резвых таких, много!

Оставив молоденького эскулапа жаловаться на нерадивых больных, которые сами себе враги, Рита побежала к машине. Она не знала, огорчаться или радоваться тому, что Игорь не остался в больнице, но в одном не сомневалась: пока не увидит Байрамова собственными глазами, не избавится от чувства беспокойства.

Домик, в котором ныне обретался Игорь, оказался ничего себе: закрытая территория, охрана на стоянке, консьержка в подъезде. Охранник, правда, лишь молча окинул Риту тяжелым взглядом, зато пожилая консьержка вежливо поинтересовалась, к кому она направляется. Услышав ответ, консьержка спросила, ожидает ли ее «господин Байрамов».

– Вряд ли, – ответила Рита, которую допрос уже начал раздражать.

Тогда женщина, сохраняя на лице вежливо-приветливое выражение, попросила ее представиться, чтобы знать, как *доложить* о посетительнице. Миновав двойной кордон охраны, Рита чувствовала себя как Штирлиц, прошедший собеседование в гестапо. Она поднялась на последний, двадцать четвертый этаж. «Однако! – подумала девушка, увидев просторный холл перед лифтом. – За стриптиз неплохо платят!» На стенах – зеркала и картины с видами города, на площадке – два журнальных столика и кресла для желающих покурить (тут же, на столиках, предусмотрительно разместились пепельницы). Дальше следовала стеклянная дверь в широкий коридор, где напротив друг друга располагались всего две квартиры. Одна из них, обитая коричневой кожей, судя по номеру, принадлежала Байрамову. Рита надавила на кнопку звонка. Долго никто не подходил, и она позвонила опять. Видимо, дверь была звукопроницаемой, так как открылась внезапно и без предупреждения, потому что Рита не услышала звука приближающихся шагов. На пороге стоял Игорь. Из одежды на нем были только линялые джинсы, а щекой и подбородком он прижимал к ключице полиэтиленовый пакет со льдом. Вокруг пакета разливалась кровянистая синева. Живописную картину завершал пластырь, приклеенный над бровью.

– Чем обязан? – спросил Байрамов.

Она мягко отгеснила его и просочилась внутрь. Квартира представляла собой просторное помещение типа студии (метров сто тридцать, по скромным прикидкам), в котором почти не было мебели, отчего оно выглядело еще больше. Один угол комнаты срезан косым окном. Диван с прикроватным столиком у стены. На противоположной стене – плазменная панель. В целом квартира выглядела так, словно ее обставлял модный дизайнер, но самому хозяину при этом глубоко наплевать на уют.

Рите хватило беглого взгляда, чтобы оценить обстановку, и она вновь посмотрела на Игоря, который встал в дверном проеме, упершись в косяк здоровым плечом. Он не сел и не предлагал присесть ей, будто давая понять, что разговор не затянется.

– Как ты себя чувствуешь? – мягко спросила Рита, стоя на почтительном расстоянии: настороженно-враждебный взгляд его темных глаз предупреждал, что приближаться не стоит.

– Так же, как выгляжу, – сухо ответил он.

– Так ужасно?

– Ты пришла, чтобы потом доложить папочке, в каком состоянии его *собственность*?

Зачем он так? Разве она виновата в том, что произошло, разве не могла прийти просто потому, что беспокоилась? Рита уже собиралась ответить грубостью и уйти, но, взглянув на лицо Игоря, поняла, что он сейчас рухнет на пол, и подскочила как раз вовремя, чтобы успеть его подхватить. Рита усадила Байрамова на диван, одновременно поправив подушки за его спиной. На лбу Игоря выступили крупные капли пота, и он с шумом выдыхал воздух из ноздрей.

– Тебе не следовало уходить из больницы, – заметила она, присаживаясь рядышком и внимательно глядя в его лицо. Но Байрамов не собирался терять сознание: он открыл глаза и попытался сфокусировать их на ней. Ему это удалось не сразу.

– Голова кружится? Тошнит?

Последовала пауза, а потом вялый кивок.

Поднявшись, Рита отправилась на кухню. Пооткрывав все шкафчики, она обнаружила залежи молотого кофе – пакетов шесть, не меньше. Это значило, что Байрамов все так же злоупотребляет кофеином, как и много лет назад. Рита схватила один пакет, включила конфорку и щедро насыпала в турку четыре ложки с горкой, залив водой. Поставив посудину на огонь, она добавила еще столько же ложек сахара. Плита нагрелась мгновенно, и в турке начала подниматься пена. Ядреная масса, которую Байрамов именовал «кофе», была готова. Рита налила ее в чашку, больше напоминающую бульонницу, и поспешила обратно в комнату. Байрамову явно полегчало. Цвет лица уже не казался землистым, но он, по-видимому, чувствовал себя не лучшим образом, потому что принял из ее рук сосуд, не сделав попытки выплеснуть содержимое ей в лицо. После нескольких глотков «живительного» напитка, от одного запаха которого у Риты кружилась голова, Игорь начал оживать. И как можно пить кофе такой концентрации? Будто жуешь кофейные зерна! Однако, по неизвестной причине, «блевчик», как сам Байрамов называл напиток, действовал на него благотворно.

– Теперь, когда ты очухался, – сказала Рита, – я предупреждаю, что спрятала все камни, палки и колюще-режущие предметы, чтобы ты и не думал кидаться ими в меня!

На лице Игоря появилось нечто, напоминающее улыбку. Он смотрел на нее из-под полуопущенных век, словно кот, напившийся валерьянки.

– Что он сделал с тобой? – глухо спросил он. – Что, раз тебе пришлось сбежать в чертову Англию?

Лицо Байрамова все приближалось, и наконец Рита уже не видела ничего, кроме его широко распахнутых глаз, а потом поняла, что не может дышать, потому что отвечает на поцелуй, боясь оторваться, чтобы набрать в легкие воздуха. Рита толком не знала, сколько это продолжалось, но возвращение к действительности было не слишком романтичным:

– ...твою! – взревел Байрамов.

Рита отпрянула как ужаленная. Жутко ругаясь, он держался за синее плечо и шумно дышал.

– Прости, – пробормотала она, – я забыла!

Боль постепенно отпускала, и сжатые в тонкую линию губы Байрамова слегка расслабились.

– Так ты мне скажешь, как твой папаша заставил тебя меня бросить? – спросил он наконец.

– Он не заставлял, дело не в этом.

– Тогда в чем?

В голосе Игоря, несмотря на каменное выражение его лица, звучала растерянность. Неужели он до сих пор переживает? Он был так холоден с ней, даже презрителен, но, оказывается, старая рана не давала ему покоя? Или оскорбленное самолюбие? Что-то типа: *Байрамова не бросают, это он решает, как и когда произойдет расставание...*

– В том, – вздохнула она, откидываясь на спинку дивана и поджимая под себя ноги, – что он все равно не дал бы нам встретаться. Ты это знал, и я это знала, так что не было смысла себя обманывать. Ты слишком упрям, чтобы принять очевидное, поэтому мне самой пришлось решать.

Игорь нахмурился:

– То есть этот английский *Макс* был мифом?

– Мэтт. Его звали Мэтт, и он настоящий, живой человек. Но Мэтт появился гораздо позже того, как мы разошлись...

– Разошлись?! – вскипел Игорь. – Значит, вот как это называется! Ты уходишь, не отвечаешь на звонки и подговариваешь мать врать, что тебя нет дома!

– Прости, – тихо сказала Рита, не глядя на него. – Я *действительно* думала, что так будет лучше!

– Ты ненормальная! Ну почему ты никогда не думаешь своей головой, почему позволяешь другим управлять собой? Такое впечатление, что ты постоянно пытаешься что-то доказать отцу, но я никак не могу уяснить, что... А главное, зачем?

– Разве ты не понимаешь, что отец мог разрушить твою карьеру?! – закричала Рита, вскакивая на ноги и вытягиваясь перед Байрамовым во весь свой рост. Ее кулаки были прижаты к бедрам, и она чувствовала, как кровь пульсирует у нее в запястьях и у самого горла. – Он *не хотел*, чтобы мы были вместе, он... он считал нас родственниками!

– Да какими, к черту, родственниками?! – взревел Байрамов. – Это же ерунда какая-то! Просто он хотел, чтобы все шло по *его* плану!

– Да, – согласилась Рита, успокаиваясь. – Да, он так хотел. И, самое главное, он *мог* заставить нас. Я просто... не хотела давать ему такой возможности.

На некоторое время в помещении повисла зловещая тишина.

– Ты пытаешься сказать, – наконец прервал ее Игорь, – что порвала со мной, чтобы не заставлять *меня* выбирать между ним и тобой?

Она кивнула.

– Но почему ты посчитала, что имеешь право лишать меня выбора?

– Возможно, потому что боялась того, каким он может стать.

– То есть ты думала, что я выберу его?

Рита ничего не ответила и снова опустилась на диван, но подальше от Байрамова.

– Отец считал, что тебе ничто не должно мешать. И никто. В чем-то он был прав...

– Ты не соображаешь, что говоришь!

– Может, и нет, но без меня у тебя все было отлично, разве нет? Дела пошли в гору, ты стал номером один, и не только в Мариинке... Без отца у тебя ничего бы не вышло, и мы оба отлично это понимаем!

– И все-таки ты решила за меня. – Голос Игоря звучал на удивление спокойно. – Это неправильно. Ты даже не пришла меня навестить в больнице!

– Но я была там! – перебила Рита, не желая беспочвенных обвинений. На самом деле она вдруг почувствовала, что не может больше делать вид, что ей все безразлично, не может врать тому, кого всегда любила. – Мы с мамой сидели у входа в реанимацию и ждали, пока ты выйдешь из комы. Ты вышел, и отец захотел, чтобы я вернулась к Мэтту, ведь он считал, что мы поженимся.

– Он готов был отправить тебя к черту на кулички, лишь бы не видеть нас вместе! – процедил Игорь сквозь зубы. – Тиран чертов! А ты послушала его и как *хорошая папина девочка* уехала? И даже не поговорила со мной?

– Ты тогда был не в том состоянии... Но я приезжала потом.

– Приезжала? – не понял Игорь. – Когда?

– Когда ты проходил реабилитацию в Израиле. Я узнала адрес медицинского центра и рванула к тебе. Думала, мы сможем... Господи, честно говоря, я даже не знаю, что я думала!

– Как такое возможно, ведь я тебя не видел?

– Зато я тебя видела.

– То есть?

– Ты обжимался с какой-то блондинкой в больничном саду, и я поняла, что тебе не нужны ни мое сочувствие, ни моя любовь.

– *Обжимался?*

Игорь наморщил лоб, пытаясь понять, о чем она говорит.

– Видишь, ты даже не помнишь! – с раздражением воскликнула Рита, обиженная тем, что воспоминания, причиняющие ей боль, похоже, не сохранились в памяти Байрамова.

– Ей-богу... – пробормотал он. – Какая блондинка?

– Маленькая такая, *толстозадая!* – с явным удовольствием Рита сделала упор на последнее слово. – Но зато вся в золоте, с головы до пяток.

– А-а! – лицо Игоря внезапно осветилось. – Так ты, видимо, о Лиат говоришь!

– Вот как – *Лиат*, значит?

– Детка, ты лицо ее видела?

– Ну, вкусы у всех разные...

– Да не в этом дело, Марго – ей уже *тогда* полтинник был! Сзади пионерка, а спереди – пенсионерка, как говорится!

– Герантофил! – проговорила Рита, но уверенности у нее заметно поубавилось.

– Лиат – моя старинная поклонница – просто чтоб ты знала, – не обращая внимания на ее сарказм, продолжал Игорь. – Она была одной из немногих, кто поддерживал меня. Ты хотя бы имеешь представление, во сколько обошлась мне реабилитация?

Рита неуверенно качнула головой. Она считала, что все оплачивал отец.

– Лиат работала в туристическом бизнесе, – пояснил Байрамов. – Она нашла нужного специалиста и, несмотря на его занятость, убедила заняться мной. И заплатила. Она навещала меня в клинике, и ты, вероятно, видела именно ее. У нас действительно были очень теплые отношения, но вовсе не такие, как ты думаешь.

Рита хотела и одновременно боялась в это поверить. Боялась, потому что если он говорит правду, то лишь она виновата в том, что случилось потом – ее позорном бегстве, отказе общаться с Игорем, попытке создать семью с другим мужчиной... Что, если бы она не сбежала тогда, а все-таки решилась встретиться с ним лицом к лицу?

– Почему ты не вернулся на сцену? – спросила Рита после недолгого молчания. – Реабилитация же прошла хорошо?

– *Хорошо?* Я смог как следует стоять на обеих ногах только два с половиной года спустя после катастрофы! Ходить без трости – и того позже, а уж о танцах и речи быть не могло. Лучшие годы прошли, все места уже заняты – кому нужен танцовщик, который, возможно, уже далеко не так хорош, как раньше?

– Честно говоря, я...

– Я до сих пор не уверен, что правильно сделал, согласившись на эту авантюру.

– И почему же ты все-таки решился?

– Из-за Митяя. Он правильно говорит: никто из ребят, и он в том числе, не виноват в наших с твоим папашей «терках». Как и в том, что он вдруг запоздало надумал загладить свою вину.

– Загладить вину? – нахмурилась Рита. – Ты о чем? В чем папа виноват перед тобой – не в аварии же! Ты выпил и сел за руль, значит, должен был догадываться о возможных последствиях, ты же большой мальчик! Наоборот, папа спас тебя, вытащил из машины перед взрывом... Что между вами произошло?

Переливчатая трель ее мобильного произвела эффект разорвавшейся противотанковой гранаты: они оба вздрогнули. Дрожащими руками вытащив телефон, Рита поднесла его к уху.

– Приезжай в театр, – услышала она Митин голос. – У Жаклин есть новости по поводу упавшего прожектора!

– Еду, – коротко сказала Рита и отключилась. – Мне надо в театр, – сказала она Игорю. – Там что-то обнаружили в связи с несчастным случаем.

Лицо Байрамова стало непроницаемым. Несколько минут назад ей показалось, что не было этих восьми лет, но иллюзия рассеялась: его глаза снова смотрели холодно и равнодушно. Он не пошевелился, когда Рита вышла из комнаты.

Глава 4

– Вот об этом я и говорила, – сказала Жаклин, указывая отполированным ногтем на блестящий срез кронштейна, на котором еще совсем недавно крепился один из прожекторов. Рабочие демонтировали его сегодня по ее просьбе, чтобы выяснить причину падения. – Похоже, его специально подпилили незадолго до репетиции. Нам очень повезло, что никто серьезно не пострадал!

Митя задумчиво провел пальцем по гладкому срезу.

– Кому, интересно, понадобилось это делать? – спросил он.

Рите пришла в голову мысль, которую она не сочла возможным скрывать. Она рассказала ребятам о странном звонке, на который случайно ответила вместо отца. Она и думать о нем забыла, но в свете происшедшего все приобретало иную значимость.

– Думаешь, эти ребята решили припугнуть твоего отца? – спросил Митя, нервно потирая подбородок. – Но ведь он, ты говоришь, обещал все уладить?

– Возможно, не успел, – пожал плечами Рита. – Или что-то пошло не так?

– Надо идти в полицию! – решительно сказала Жаклин.

– Нет, – возразила Рита. – Сначала я по своим каналам попробую выяснить, на что мы можем рассчитывать. Есть у меня один человек.

Человечка звали Женя Фисуненко. Когда-то они сидели за одной партой в школе, потом, не сговариваясь, поступили на юрфак. Только Женька стал следователем по уголовным делам, а Рита занималась корпоративным правом, и их пути разошлись. Но все же иногда они перезванивались и поздравляли друг друга с праздниками. Вернее, обычно это делала она, так как Фисуненко никогда не помнил дат, кроме разве что Восьмого марта... Но он всегда был рад ее слышать, это точно. Женька давно мечтал стать сыскарем, хотя при его внешности тяга к этому роду деятельности могла показаться странной. На курсе его называли не иначе как Пупсик: небольшого роста, коренастый, с очень светлыми волосами и ресницами, нежно-розовым цветом лица и забавными веснушками на переносице парень казался воплощением добродушия и невинности еще и благодаря огромным голубым глазам и широкой, располагающей улыбке. Но это впечатление было обманчиво. Женька являлся сыщиком от бога, он не нуждался в примочках вроде сурового взгляда для запугивания свидетеля или подозреваемого, его вела интуиция. Простецкая внешность внушала доверие, поэтому ему удавалось выудить из людей информацию, которую никто другой не сумел бы получить. Женька-пупсик дослужился до капитана милиции, не прилагая никаких усилий для продвижения по служебной лестнице: он относился к редкой породе людей, которые приходят в профессию исключительно по призванию. Его мало интересовала зарплата, он мог ходить зимой в легкой курточке, пряча руки в карманы, и не возражал против того, чтобы питаться одной яичницей и вареной картошкой, только бы заниматься любимым делом. Женька был холостяком, и Рита сомневалась, что он когда-нибудь женится, потому что уже давно и счастливо был женат на своей работе. На Женькином иждивении находился только огромный пес Иваныч, помесь овчарки с афганской борзой, довольно страшный на вид, но на самом деле такой же добродушный, как его хозяин. Пес, столь же неприхотливый, как и Женька, не брезговал подбирать на улице остатки чужой еды, а его любимым местом посещения являлись окрестные помойки, где он добирал калории, которых по причине занятости или безденежья хозяина не получал дома. Надо заметить, что зарплата у Фисуненко была вполне достаточная, чтобы прокормиться двоим, но коллеги, зная Женькин характер и то, что ему для себя практически ничего не нужно, то и дело у него занимали. Он с готовностью одалживал, никогда не вел учета и полагался исключительно на порядочность должников. Женю, конечно, не обманывали, но деньги подолгу не возвращали, поэтому у него в кармане по большей части гуляли холодные питерские ветра. Если случайно заводи-

лись денежки, то он устраивал пир Иванычу, покупая ему на рынке кусок парной говядины, а себе целую кучу «тошнотиков», как он называл жареные пирожки. «Тошнотики» являлись его любимым лакомством, других деликатесов Женька не признавал. По этой причине Рита назначила встречу в уютном местечке на Сенной под названием «Кошкин Дом». Строго говоря, это обычная пирожковая, но здесь уж точно можно не бояться, что начинкой для пирожков с мясом служат домашние животные, заявленные на ее вывеске. Кроме того, тут не нужно беспокоиться за свой желудок: у Риты от одного-единственного пирожка из ларька немедленно разыгрывается изжога, а здесь их жарят на нормальном растительном масле по всем правилам, и единственное, чего следует опасаться, это лишние килограммы.

Рита знала о Женькиной привычке опаздывать, но все равно пришла на двадцать минут раньше назначенного времени. Она взяла приятелю целую гору расстегаев с рыбой и сладкий чай с лимоном, а себе – кофе без сахара. С тоской глядя на принесенное блюдо, наполненное дымящимися пирожками, Рита уныло потягивала свой кофе, думая о том, что скоро приезжает отец, а она за это время набрала почти полкило. Он всенепременно сочтет своим долгом сделать ей по этому поводу замечание! Григорий Сергеевич тщательно следил за фигурой. Не будучи склонным к полноте, он тем не менее редко позволял себе излишества в еде, с молодости привыкнув к простой, низкокалорийной пище. Он не ел сладкого, и, хотя любил выпить, к семидесяти годам его тело оставалось стройным, так что со спины его частенько принимали за юношу, чему способствовала и балетная привычка прямо держать спину. Рита пошла в отца телосложением и ростом – ее мать была миниатюрной женщиной, тогда как дочь вымахала до ста восьмидесяти сантиметров. При столь внушительном росте она весила пятьдесят три килограмма, но отец, привыкший контролировать своих балерин, замечал каждые ее лишние сто граммов. Казалось, он не желает помнить о том, что дочь не является танцовщицей, и ей не приходится ориентироваться на партнера, чтобы он легко мог поднять ее в воздух и не получить при этом перелом позвоночника. Иногда Рита начинала думать, что отцу просто нравится, когда все вокруг, включая членов семьи, испытывают трепет под его бдительным взглядом, подмечающим каждый мало-мальски видимый недостаток.

Размышляя об этом, Рита не заметила, как подошел Женья. Он с размаху плюхнулся на стул и с наслаждением втянул носом запах, исходящий от пирожков. Она отметила, что приятель приоделся: на нем был темно-синий пиджак, который он неизменно надевал по любому торжественному поводу со времен окончания университета. Этим, впрочем, его понятие об элегантности исчерпывалось: образ довершали потертые джинсы и галстук ядовито-зеленого цвета, который абсолютно не гармонировал с коричневой рубашкой.

– Привет, старуха! – радостно сказал он, оглядываясь по сторонам. – Никогда сюда не захожу, местечко-то не из дешевых.

– А ты не считай, я плачу, – отмахнулась она.

– Ну, нет, – протянул он кисло, – я так не могу! Одно дело сдавать право за твой счет, а другое – обедать...

– Все за счет фирмы, – произнесла Рита. – Это, можно сказать, деловой обед, так что лопай сколько душе угодно.

– Тогда ладно! – обрадовался Женька и впился зубами в рыбный расстегай. Пока он с упоением поедал пироги, Рита рассказала о происшествии в театре. При упоминании имени Байрамова приятель перестал жевать.

– Это тот самый, с которым ты...

– Да, тот самый, – перебила она, не желая развивать эту тему. Но у Женьки с чувством такта дело обстояло плохо.

– Он же вроде бы попал в аварию с твоим отцом, верно?

Рита кивнула.

– Я ведь тогда должен был вести это дело, но меня сочли слишком желторотым, ведь замешаны такие *звезды*, фу ты, ну ты! И материал быстренько отобрали. Странное было оно, дело это...

– А что в нем такого странного? – спросила Рита. Ей так и не удалось узнать ничего сверх официальной версии. В ней говорилось, что не вполне трезвый Байрамов, возвращаясь с Григорием Синявским с вечеринки по поводу удачной премьеры, не вписался в поворот на шоссе и столкнулся с грузовиком. Благодаря связям отца, дело замяли, так как пострадал только сам Байрамов, а водитель грузовика получил денежную компенсацию – вот и все, что известно Рите. Прошло столько лет, и вот Женька снова поднял тему.

– Что тебе показалось странным? – повторила она свой вопрос, так как приятель медлил с ответом.

– Трудно вспомнить подробности, – уклончиво ответил он. – Были кое-какие неувязочки, но мне так и не удалось как следует покопаться в деле, так что... Значит, говоришь, мужик какой-то угрожал по телефону твоему отцу?

– Да нет, – покачала головой Рита, – не то чтобы угрожал... Голос такой интеллигентный, никаких грубостей. Но ведь кто-то перепилил этот дурацкий кронштейн, и я не могу придумать другой причины, кроме папиного долга. Я даже не знаю, о какой сумме речь, он отказывается говорить на эту тему!

Женька почесал в затылке.

– Могу отправить кронштейн на экспертизу, – предложил он. – Может, ты накручиваешь себя, и это просто случайность. – Он помолчал минутку. – С другой стороны, твой отец вряд ли связался бы с гопниками – солидные ребята, которые дают в долг под проценты, редко идут на грубые меры, тем более с таким известным человеком, как твой папаша! Мне думается, они предпочли бы решить дело миром, чем устраивать диверсию. Неплохо бы все-таки узнать, на что Синявскому понадобилась крупная сумма... Твой отец человек небедный, дела у него, насколько я знаю, идут хорошо. Тогда зачем брать в долг?

– Ну, насколько мне известно, он периодически это делает – производственные нужды заставляют. Но я думала, что папа имеет дело с банками, а не с частными лицами!

Женька ничего на это не ответил. Нельзя сказать, что разговор успокоил Риту. Она надеялась, что приятель посмеется над ее страхами, но ничего подобного не произошло. Вернувшись в офис, Рита несколько часов просидела с делом о разделе птицефабрики в Синявино, которое уже в пятый раз слушалось в суде. Работа не клеилась, и она ушла раньше времени. Юристы фирмы работали по свободному графику и сами решали, сколько времени проводить в конторе. Случалось, они оставались ночевать, когда того требовала необходимость, или могли вообще не приходить и работать дома. Колеся по городу в сгущающихся сумерках без всякой цели, Рита с тоской думала, что ей совсем не нравится то, чем она занимается. Она всегда хотела, как Женька, работать сыскарем, находиться в центре событий, но родители пришли бы в ужас от ее стремлений, а Рита была послушной девочкой и не хотела их огорчать. Именно поэтому она, с отличием окончив юридический факультет, поступила в адвокатуру, чему поспособствовал один из профессоров, у которого она была любимицей. Он же порекомендовал ее в эту самую контору.

Проезжая по Стрелке Васильевского острова, Рита вдруг поняла, чего ей действительно хочется в данный момент. А хотелось ей поехать к Игорю Байрамову и наконец выяснить отношения. Ведь очевидно, что он еще не охладел к ней, иначе не было бы этого головокружительного поцелуя на диване. Он хотел поговорить, это она убежала... Но больше Рита не станет убегать, она выскажет ему все, что наболело за эти годы, и, возможно, они смогут начать сначала?

Окрыленная этой идеей, Рита развернула свое авто. На подъезде к дому Игоря ее обогнала машина. Она узнала авто Жаклин – ее канареечную «Мазду» с низкой посадкой трудно

спутать с каким-либо другим автомобилем. Сбавив скорость, Рита последовала за ней, желая убедиться наверняка. Въехав на стоянку и миновав охранника, «Мазда» остановилась. Через минуту из нее и в самом деле вышла Жаклин в кокетливом норковом полушубке и, стуча каблучками, направилась к подъезду. Рите мучительно захотелось, чтобы француженка поскользнулась на обледенелом асфальте и сломала ногу, но этого не произошло. Девушка благополучно миновала опасное место и скрылась в подъезде, а Рите ничего не оставалось, как смириться с поражением: она опоздала со своим решением.

А на следующий день вернулся отец. Он прилетел на двое суток раньше, узнав от Риты о том, что произошло в его отсутствие. Прямо из аэропорта Григорий Сергеевич отправился в театр. Труппа, и так пребывающая в раздоре из-за случившегося, пришла в ужас: прибыл директор, а один из солистов в нерабочем состоянии! Все ждали бури, но ее не последовало.

Игорь появился на следующий день. Он опоздал к началу репетиции и, судя по остеклевшему взгляду, принял убойные анальгетики. Рита знала, что к этому средству прибегают балетные, получившие травмы, чтобы отыграть спектакль до конца, но репетиции обычно не требовали таких жертв. Однако она не решилась ничего сказать и поторопилась уйти. В дверях обернулась и увидела, как Жаклин и Игорь стоят рядышком, склонив друг к другу головы. Зрелище оказалось еще хуже, чем Байрамов с мутным взглядом, поэтому она поспешила прочь, чтобы не увидеть что-нибудь еще более огорчительное.

Суд прошел, как всегда, без особых результатов: следующее слушание назначили на начало февраля: подобные дела тянутся бесконечно долго, Рита знала по опыту. В конторе она никак не могла сосредоточиться, в голову лезли дурацкие мысли, а перед глазами стояла сцена, которую она видела, уходя из театра: Игорь и Жаклин, стоящие рядом чуть ли не в обнимку. Она собиралась домой, когда затрезвонил мобильник. Звонил Митя, и голос его показался Рите странным. Он сказал, что надо срочно побеседовать, но это не телефонный разговор, поэтому назначил встречу в баре недалеко от ее офиса.

Она не сразу отыскала Митю в задымленном, прокуренном помещении: был конец рабочего дня, поэтому народу собралось много. Наконец она увидела парня в дальнем углу. Перед ним на столе стояла полупустая бутылка «Столичной» и пепельница, полная окурков. Рита удивилась: она понятия не имела о том, что Митя курит, потому что, в отличие от Байрамова, который дымил как заводская труба, он при ней никогда этого не делал.

– Ну, ты даешь! – укоризненно сказала она, присаживаясь напротив.

Митя взял бутылку и налил полную рюмку себе, а потом наполнил пустую, видимо, предназначавшуюся ей.

– Тяпни, подруга, тебе это понадобится, – хмыкнул он.

– Что произошло такого, что ты квасишь в одиночестве? – спросила Рита, отодвигая рюмку. – Ты сказал по телефону, что надо поговорить, так говори!

– А произошло то, что кина не будет, – медленно ответил Митя, осушив свою стопку и вновь наполнив ее. – Твой родитель выгнал Игоря.

Рита сидела как громом пораженная: то, что она услышала, просто не укладывалось в голове!

– Как это – выгнал? – пролепетала она. – До премьеры меньше месяца!

– Вот я и говорю: кина не будет, – кивнул Митя, – премьеры то бишь. Они так орали друг на друга, мы думали крыша обвалится! А потом Игорь схватил Григория Сергеевича за грудки и швырнул об стену. Твой отец закричал, чтобы он убирался вон, и Игорь убрался, а с ним и эта дурочка французская...

– погоди, а из-за чего они так повздорили? – попыталась разобраться Рита.

– Да черт их разберет! – в сердцах воскликнул Митя. – Они заперлись у твоего отца в кабинете после репетиции, а потом вдруг Байрамов выскочил как ошпаренный, а вслед за ним неся Григорий Сергеевич и орал так, что стены тряслись. Игорь не отставал, ты его знаешь.

В общем, все летит к чертям, наши усилия коту под хвост! А я ведь чувствовал, что так оно и случится! И зачем только твой отец решил привлечь Игоря к своему проекту, добром это кончиться не могло...

– Папа *не мог* прогнать Игоря, – твердо сказала Рита, хотя внутренне вовсе не ощущала уверенности. – Заменить его некем, тем более за три недели до премьеры! Он не мог *всерьез* выгнать его из шоу. Он передумает.

– Возможно, – усмехнулся Митя, – да вот только Игорь *не* передумает. Ты не знаешь, через что мне пришлось пройти, чтобы заставить его принять участие в спектакле... Он ни за что не вернется!

– Я поговорю с ним, – сказала Рита. – Не знаю как, но я уговорю его, он не имеет права так поступать, от этого слишком многое зависит!

Она решительно поднялась. Митя остался сидеть, и его лицо выражало глубокое сомнение в том, что ее решительность принесет хоть какие-то плоды. Всю дорогу до театра Рита попеременно звонила из машины то отцу, то Игорю, но ни один не брал трубку. Войдя в здание театра, она поняла, что все разошлись: свет горел только на проходной у охранника. Он вышел ей навстречу.

– Привет, Сеня, – поздоровалась Рита. – Папа еще здесь?

– Не в курсе, – ответил тот. – Я сменился полчаса назад. Ты же знаешь, у него в кабинете свой выход. Я собирался закрывать, уборщица только что закончила в зале.

Рита быстро пошла по коридору к кабинету отца. Она толкнула дверь, но та не поддавалась. Тогда Рита постучала и позвала отца – никакого ответа. Видимо, он действительно воспользовался своим выходом и, возможно, уже дома. Значит, она поговорит с ним там, хотя в более «официальной» обстановке кабинета и в отсутствие матери она чувствовала бы себя несколько более уверенно.

Однако выяснилось, что Григорий Сергеевич домой не возвращался. Она набрала его по сотовому и долго слушала в трубке длинные гудки – до тех пор, пока не раздался сигнал отбоя. Конечно, он мог отправиться куда угодно и не слышать звонков или просто не брать трубку. Рита надеялась, что отец поехал к Игорю, чтобы уладить недоразумение, о котором рассказал Митя: в самом деле, не мог же он *всерьез* рассчитывать на то, что спектакль состоится *без* участия Байрамова!

Промаявшись до девяти вечера, она все же решила позвонить Игорю. С тем же результатом, что и отцу – что ж, это, скорее всего, хороший знак. Или нет? Они с матерью сели выпить по чашке чая перед телевизором, когда зазвонил домашний телефон.

– Я отвечу! – бросила Рита маме, сорвавшись с места. – Алло?

– Маргарита Григорьевна! – услышала она голос, который узнала не сразу, а когда узнала, удивилась:

– Сеня? Что, папа вернулся в театр?

– М-м-маргарита Г-г-григорьевна, вам, это... в общем, приехать надо вам, вот что!

Сеня обычно не заикался, и то, что в этот раз ее имя он произнес с запинкой, а также какие-то странные, панические нотки в его голосе, заставило Риту занервничать.

– Что случилось, Сеня? – спросила она, стараясь, чтобы голос не дрожал. Господи, неужели кто-то поджег «Гелиос»? После того как на Игоря свалился прожектор, можно ожидать чего угодно!

– Григорий Сергеевич, – пробормотал охранник. – Он упал!

Рита неслась к театру, игнорируя светофоры (благо было уже поздно, и машин было не так много). Ворвавшись в полутемное помещение через черный ход, она сразу увидела Сеню, переминающегося с ноги на ногу у своей стойки и поглядывающего на часы.

– Где папа?! – почти закричала она, налетев на охранника. – Ты вызвал «Скорую»?!

– Дык, Маргарита Григорьевна, ему «Скорая» вряд ли...

Но она уже неслась к кабинету по коридору. За ее спиной раздавалась тяжелая, торопливая поступь Сени. Свет горел, дверь была полуоткрыта. Распахнув ее, Рита влетела внутрь. Прямо напротив располагался старинный письменный стол, а за ним, спрятанная за портьерой, дверь во внутренний двор, которой отец пользовался, если желал ускользнуть незамеченным.

– Там, – тихо произнес голос за ее спиной, и Рита вздрогнула от неожиданности, забыв, что охранник следует за ней по пятам. – Я бы не увидел, если бы...

Рита обошла стол. Отец лежал на полу, и она сразу же поняла, что он мертв. Вокруг его головы растеклась темно-красная лужица, в которой валялся какой-то предмет. Приглядевшись, Рита поняла, что это тяжелое бронзовое пресс-папье в форме сидящего льва. Григорий Сергеевич никогда не пользовался этой вещью, подаренной ему кем-то из поклонников, и один раз даже порывался выкинуть – после того, как лев от неловкого движения упал ему на ногу, едва не размозжив пальцы. Сама удивляясь собственной деловитости и отсутствию эмоций, Рита опустилась на колени и потянулась за карандашом, лежащим на столе, легонько поддела его кончиком льва, переворачивая. Крови нет. Значит, пресс-папье – не орудие убийства. Ее взгляд уперся в угол стола. Кровь! Под столом она заметила лужицу и, на четвереньках пробравшись под столешницу, увидела осколки стекла. Поднявшись с колен, Рита окинула взглядом всю картину.

– Похоже, папа перебрал с выпивкой, – пробормотала она. – Ты вызвал полицию, Сеня?

– Нет, я... я вас ждал, Маргарита Сергеевна! – жалобно проскулил охранник.

– Тогда вызывай немедленно! – рявкнула Рита, наградив его испепеляющим взглядом.

Сеня потянулся было к трубке на столе Григория Сергеевича, но грозный предупредительный окрик Риты заставил его руку зависнуть в воздухе.

– Здесь нельзя ничего трогать! – пояснила она растерянному охраннику. – Скорее всего, это несчастный случай, но... Беги на пост!

Сеня повиновался: за годы службы в театре он привык выполнять приказы. Их всегда отдавал хозяин, Григорий Сергеевич. Теперь его права перешли к дочери, и охранник посчитал это логичным и не требующим возражений. Он лишь обрадовался тому, что кто-то другой, более авторитетный, взял на себя ответственность за происходящее.

Рита опустилась на стул. Глядя на труп отца, она ловила себя на мысли, что практически ничего не чувствует. Неправильно, нехорошо, и, однако, это так. Может, надо расплакаться? С другой стороны, она не актриса, и Сеня непременно заметит фальшь... Господи, что за мысли лезут в голову, ведь там, на полу, в луже крови – ее отец!

Она вытащила из сумочки мобильник и набрала номер матери. Рита ничего не объяснила Наталье Ильиничне, выскочив из дома сразу после звонка Сени, и мать, несомненно, была вне себя от беспокойства.

– Мам, ты только не... – Идиотское начало! Как можно сказать «не волнуйся», а потом брякнуть, что отец мертв? – Мам, все очень плохо...

– Детка, что-то с отцом?

Голос матери звучал напряженно, но спокойно. У Риты появилось странное ощущение, что та каким-то образом догадалась.

– Папа умер, – выговорила она, поняв, что провести подходящую «артподготовку» все равно не сумеет.

– Он... разбился?

Естественно было предположить, что Григорий Сергеевич попал в аварию. Пришлось сказать, как обстоит дело.

– Я сейчас приеду...

– Не надо, мам, пожалуйста! – взмолилась она. – Сеня уже вызвал полицию, и... В общем, тебе не нужно здесь находиться, поверь! Ты все равно ничем не сумеешь помочь... Ма?

Некоторое время на другом конце трубки раздавалось лишь шумное дыхание. Затем Рита услышала:

– Хорошо... если ты так хочешь.

Рита дала «отбой». Она по-прежнему почти ничего не чувствовала, одну только пустоту внутри и... что-то еще. Рита ни за что не призналась бы в этом даже самой себе, но одновременно с ужасом потери она ощущала *облегчение*. Она набрала номер Игоря, но трубку снова не сняли. Тогда Рита позвонила Мите. Он долго не отвечал, потом раздался его нетвердый голос. Рита в нескольких словах сообщила о случившемся. Он, казалось, мгновенно протрезвел и сказал, что уже едет.

Но полиция появилась раньше. Сразу за ними – следователи, целых два. Рита предположила, что, узнав о том, что придется иметь дело с известной личностью, их начальство решило сразу обеспечить «подкрепление». Надо сообщить, что она в некотором роде является их коллегой: в этом случае они проявят больше рвения и уважения, чего не дожидаться обычным гражданам, не имеющим отношения к юриспруденции. Рита также знала, что сделают они это отнюдь не из-за цеховой солидарности (этот народ ненавидит адвокатов, как бык – красное полотнище тореадора), а из страха быть обвиненными в чем-нибудь кем-то, знающим закон. Два следователя и эксперт тщательно облазили кабинет и пришли к выводу, который напрашивался сам собой: Григорий Сергеевич умер в результате падения, ударившись об угол тяжелого стола. Он выпил приличное количество спиртного и, скорее всего, оступился.

– Ваш отец часто выпивал? – спросил следователь по фамилии Иванченко. Он был старшим из двух и, соответственно, взял на себя роль ведущего.

– Обычно в компании, – тихо ответила Рита. – Редко – в одиночку, как сегодня.

Она вовремя прикусила язык, едва не начав объяснять, почему именно в этот день дело обстояло иначе. Рита могла бы сказать, что отец, скорее всего, напился из-за ссоры с Игорем и неясной перспективы в отношении «Камелота», ведь Григорий Сергеевич сам лишил себя ведущего танцовщика. Но она не стала этого делать: незачем вовлекать людей, не имеющих отношения к несчастному случаю.

В этот момент в коридоре раздались быстрые шаги, после чего последовала короткая перебранка за дверью, и в кабинет влетел Митя. Он выглядел взъерошенным, однако почти трезвым.

– Кто вы? – резко поднимаясь со стула, спросил Иванченко.

– Танцовщик нашей труппы... вернее, труппы отца, – быстро пояснила Рита. – Это я его вызвала.

– Значит, это правда?

На лице Мити недоверие сменялось пониманием: тело Григория Синявского, все еще лежащее на полу, не оставляло места воображению. Рита только кивнула.

– Я могу что-нибудь сделать? – слотнув комок в горле, спросил Митя, обращаясь ко всем сразу и ни к кому в частности.

– Можете, – кивнул Иванченко. – Вы можете отвезти Маргариту Григорьевну домой: она вряд ли сейчас сможет сама сесть за руль.

Ее удивила неожиданная забота со стороны следователя. Интересно, неужели она действительно выглядит так плохо, что он сделал подобное предположение? Однако возражать Рита не стала, дабы не возбуждать ненужных вопросов.

Идя к машине в сопровождении Мити, она пыталась вспомнить, о чем они с отцом говорили в последний раз, но не смогла – как обычно, о делах, скорее всего. С тех пор как ей стукнуло двенадцать и она бросила хореографическое училище, отец перестал интересоваться ее судьбой. Исключением стал роман с Игорем, до которого, как выяснилось, ему *было* дело! Беседа со следователями совершенно вымотала Риту, кроме того, она с ужасом ждала момента, когда придется разговаривать с матерью. Слава богу, самое страшное она ей уже сообщила, но

Риту беспокоило то, как странно спокойно мать отнеслась к известию о гибели мужа – неужели у отца не осталось никого, кто скорбел бы о его безвременной кончине? Неужто даже Наталья Ильинична, прожившая с ним столько лет, воспринимает гибель Григория Сергеевича как освобождение? Рите стало страшно. Она плохая дочь. Другая на ее месте билась бы в истерике, проклиная несчастное стечение обстоятельств!

Сидя в Митиной машине и глядя в окно, за которым проплывал ярко освещенный центр города, Рита поймала себя на том, что думает вовсе не о смерти отца и даже не о предстоящей беседе с мамой, а о том, что теперь делать с театром. А главное – с «Камелотом», ведь деньги вложены, люди задействованы, а билеты распроданы: как только стало известно, что в шоу примет участие Игорь Байрамов, народ словно с ума сошел, и продажи резко возросли. Не может же она, Рита, взять дело в свои руки – да она понятия не имеет, как управлять таким сложным организмом, как театр!

Уже в подъезде Рита вдруг остановилась и, не чувствуя в себе сил сразу подняться наверх, присела на подоконник. Митя, не задавая вопросов, прислонился рядом к стене и вытащил пачку «Парламента».

– Дай сигаретку, – попросила Рита. Она не курила со студенческих времен, когда они с сокурсницами, спрятавшись в туалете, дымили одной сигаретой на всех, давясь и кашляя. С тех пор она ни разу не чувствовала потребности покурить, но сейчас это казалось необходимым.

Рука Мити легла ей на плечо, и Рита вздрогнула от неожиданности, совершенно забыв о том, что он находится рядом.

– Эй, я тут, – сказал он. – Я буду оставаться с тобой столько, сколько нужно. Тебе не придется проходить через это в одиночку!

Его милое лицо было так близко, и Рита сама не заметила, как оказалась в Митиных объятиях. Они были крепкими, словно он боялся ослабить хватку, чтобы она не выскользнула из его рук. Его мягкие губы прошлись по ее щеке, горячее дыхание обожгло ухо. Ей стало тепло и безопасно, как давно уже не было, и Рита ощутила, как тяжесть в горле и груди, появившаяся с той минуты, как она увидела тело отца, постепенно отпускает.

Проснувшись она оттого, что в глаза светило яркое зимнее солнце. Накануне Рите казалось, что заснуть она не сможет, но вот, гляди ж ты, заснула-таки и проспала до половины второго дня! Господи, надо же на работу позвонить... Хорошо, что сегодня нет никаких судов – значит, можно без потерь пропустить день.

Рита прошла на кухню, пригладив волосы пятерней. Там было накурено и пахло крепким кофе. Мать сидела за столом. В руке она держала сигарету в изящном мундштуке. В отличие от Риты, Наталья Ильинична привела себя в порядок: ее волосы были уложены в аккуратный пучок на затылке, и она надела брючный костюм, а не вчерашнее домашнее платье. Под ее серыми глазами залегли темные круги, и Рита поняла, что мать не ложилась вовсе.

– Твой брат приехал, и они с Митей отправились в морг, – сказала она, глубоко затягиваясь и выпуская дым из ноздрей. – Звонила куча народу с соболезнованиями. Как они только узнали? Кофе будешь?

Рита присела напротив, внимательно глядя на Наталью Ильиничну и пытаясь увидеть на ее лице следы реакции на смерть мужа. Скорбит ли она о нем, ведь столько лет прожито вместе? Но гладкое, несмотря на возраст, лицо матери оставалось спокойным, Рита даже сказала бы, безмятежным.

– Ты ужасно выглядишь, – заметила Наталья Ильинична. – Прими душ и приведи себя в порядок, заяц, а то люди придут, неудобно... Я позвонила Игорю – решила, он должен знать.

– Игорь с папой вчера поссорились. Митя сказал, дошло до драки.

– Это давно должно было случиться, – кивнула мать, делая затяжку. – Он не мог так долго держать все в себе. Твой отец думал, что сумеет заглядывать то, что натворил, даже пригласил

Игоря в свой проект... Честно говоря, я не думала, что у него хватит на это духу! Только нельзя заставить человека простить себя, надо по меньшей мере попросить у него прощение, но твой отец не из тех, кто признает собственные ошибки. Он полагал, что Игорь просто обязан оценить то, что он для него сделал, а тот так не считал.

– Мама, скажи наконец, за что Игорь должен был простить папу? Байрамов, судя по всему, имел на него зуб, но ни он, ни вы ничего мне не рассказывали! Клянусь чем угодно, я не встану с этого стула, пока ты мне все не объяснишь!

– Сначала – в ванную, – ровным голосом произнесла Наталья Ильинична. – А потом я тебе расскажу – теперь, когда отца нет, мое обещание потеряло силу.

Рита послушно, как зомби, отправилась в ванную комнату. Она стояла под холодным душем, лоя ртом струи воды и пытаясь вернуть своему телу чувствительность – казалось, ее руки и ноги превратились в бревна. Растеревшись докрасна большим махровым полотенцем, Рита закуталась в него и вновь вернулась на кухню. В ее отсутствие мать открыла форточку, чтобы запах дыма выветрился, но при появлении дочери она захлопнула ее и уселась на свое место за столом. Ее красивые длинные пальцы нервно постукивали по его глянцевой поверхности.

– Я обещала твоему отцу, что ты ничего не узнаешь. Не думаю, что он боялся, что ты не сможешь держать язык за зубами, просто... видимо, для него это было важно.

– Что было важно, мам?

– Твой отец трижды виноват перед Игорем. Во-первых, он вынудил вас расстаться. Думаю, для Игоря это было еще тяжелее, чем для тебя, ведь это ты взяла на себя инициативу, а он ни о чем не догадывался!

– Скажи мне то, чего я не знаю!

– Восемь лет назад Игоря ждало большое будущее. Из Парижа приехал представитель Гранд-опера. Он хотел предложить ему ангажемент – ты представляешь, что это значило бы для молодого танцовщика?

– Почему я об этом не знаю? – растерянно спросила Рита. – Папа никогда...

– Твой отец не хотел его отпускать, – перебила Наталья Ильинична. – Он отлично понимал, что после вашего с Игорем расставания его больше ничто здесь не держит! Это предложение было отнюдь не первым, однако Игорь все время отказывался уезжать – думаю, только из-за тебя.

Рита впервые обо всем этом слышала. Значит, Игорь мог стать звездой мирового балета, но держал это в секрете, боясь разрушить их отношения?

– Но как папа мог остановить его? – спросила она. – Ведь мы расстались, и...

– В отличие от твоего папы, заяц, у Игоря есть совесть. Он помнил, как много твой отец для него сделал, и не желал расставаться с ним на плохой ноте. Игорь надеялся убедить Григория, но твой отец всегда был упертым, как носорог, кроме того, как раз в то время у него начались проблемы в Мариинке, и он, как обычно, склонен был винить во всем кого угодно, только не себя самого! Конечно, Григорий не собирался вредить Игорю намеренно, хотя и пытался скрыть от него визит французского антрепренера, но произошло то, что произошло.

– О чем ты?

– Во время аварии, в результате которой Игорю пришлось уйти со сцены, за рулем находился не он, а твой отец.

Рите показалось, что она ослышалась.

– Я не в курсе, что именно произошло на той вечеринке, после премьеры «Роксаны», но твой отец страшно напился, – между тем говорила Наталья Ильинична. – Он собирался сесть за руль, но даже машину свою с трудом на стоянке отыскал. Игорь испугался, что он поедет-таки, и попытался его остановить, но ты знаешь своего отца! Он влез на водительское сиденье, а Игорь запрыгнул в машину буквально на ходу, видимо, в надежде его урезонить и заставить

отдать ему ключи. Но все вышло не так. Твой отец гнал машину на предельной скорости, они выехали на шоссе, а дорога была скользкой от дождя. Григорий не справился с управлением, не вписался в поворот, задел грузовик и въехал в дерево. Машина загорелась. Видимо, отец протрезвел достаточно, чтобы понять, что наделал. Он успел вытащить Игоря из салона до взрыва. Игорь сильно пострадал: пять ребер оказались сломаны, было пробито легкое, и ему едва не ампутировали ступню. Твой отец все рассказал мне в больнице. Он был в ужасе, все твердил, что его посадят в тюрьму и что он – убийца.

Мать ненадолго замолчала, зажигая новую сигарету.

– Больше всего он боялся, что ты обо всем узнаешь, – продолжила она. – Мы думали, что Игорь не выживет, врачи сказали, что его состояние крайне тяжелое. Поэтому, когда приехали люди из полиции, твой отец заявил, что за рулем сидел именно Игорь. Он считал, что тому уже все равно, а репутация и жизнь Григория зависели от того, кто вел машину. Она сгорела дотла, и только твой отец и Игорь знали правду.

– Разве расследование аварии не проводилось?

– Проводилось. Твой отец просто позвонил кому надо – чего-чего, а связей он имел предостаточно. Он все это делал, думая, что Игорь не выживет. Но он выжил, а ситуация уже вышла из-под контроля. Газеты писали о том, что Байрамов вел машину, а Синявский сидел на пассажирском сиденье. После аварии он, рискуя жизнью, спас танцовщика из готового взорваться автомобиля. Твой отец выглядел героем. Григорий не ставил себе такой цели, но понимал: признайся он, что машиной управлял он, его будут судить.

Когда стало ясно, что Игорь поправится, мы поняли, что может произойти катастрофа. И тогда к нему пошла я. Чувствуя себя последней сволочью, я умоляла его не говорить, что за рулем находился твой отец. В крови Игоря нашли допустимый уровень алкоголя, и ему ничего не грозило с точки зрения закона, ведь никто, кроме него самого, не пострадал. Кроме того, отец позаботился о том, чтобы выплатить компенсацию водителю грузовика, и тот отказался от претензий. На кону была не только свобода, но и репутация Синявского, а последнее, как ты знаешь, он ценил даже выше первого! Признаюсь, это была отвратительная сцена: Игорь лежал после очередной операции и еще не совсем отошел от наркоза, а тут я – с плачем и просьбами. Он меня пожалел. Не твоего отца – меня. Я потом еще приходила, но Игорь не захотел меня видеть. Оно и понятно! А после он пропал на восемь лет. Григорий оплатил курс реабилитации – это самое меньшее, что он мог сделать.

– Тех денег оказалось недостаточно, – медленно проговорила Рита, вспоминая недавний разговор с Байрамовым.

– Что? – не поняла мать.

– Папиных денег не хватило, и Игорь оказался брошенным на произвол судьбы в Израиле. Если бы не состоятельные поклонники из местных, он так и не встал бы на ноги.

Наталья Ильинична потянулась к пачке сигарет, вытащила одну и снова прикурила, на этот раз не заботясь о том, чтобы открыть окно.

– Знаешь, – сказала она через несколько минут, – я догадывалась. Твой отец ничего не говорил, и у меня создалось впечатление, что Игорь отказывается принимать от него помощь... Однако могло быть и иначе.

– Но почему, почему папа не сделал все, чтобы помочь Игорю?! – в отчаянии воскликнула Рита. – Ведь выходит, это его вина, и...

– Вину очень тяжело признать, заяц, – вздохнула Наталья Ильинична. – Особенно таким гордым, деспотичным и самоуверенным людям, как твой отец. Чтобы признать вину, надо обладать недюжинным мужеством, не бояться унизиться и почувствовать себя во власти другого человека. К сожалению, Григорий не относился к категории людей, способных на самоуничтожение. Он сделал для Игоря, что считал нужным, и всерьез полагал, что тот должен быть ему благодарен по гроб жизни!

Все, о чем говорила мать, Рите было неизвестно. И тем не менее она не удивлялась. Наверное, это – самое страшное, думала она. Когда тебе нечем оправдать того, кого ты должна любить.

– Твой отец боялся встречи с Игорем, – продолжала между тем Наталья Ильинична. – Знаешь, как говорят: тяжелее всего простить тех, перед кем мы виноваты. У Игоря до аварии было все – карьера, известность, молодость, красота, он купался в славе и всеобщем восхищении, и впереди маячил контракт с Гранд-опера. Твой отец отнял у него будущее. Игорь получил слишком серьезные травмы и больше не мог танцевать, как раньше. Контракт уплыл – кому нужен инвалид? Гранд-опера – всемирно известная балетная труппа, и они признают только классический балет – тот, кто не в состоянии исполнять сложные элементы, там не котируется... Честно говоря, я удивилась, узнав, что Григорий пригласил Игоря в «Камелот». Я полагала, твой отец решил забыть о том, что произошло. Григорий был гордым человеком, а тут гордиться нечем. Более того, он чувствовал себя подлецом, но не мог в этом признаться даже самому себе. Трагедия заключалась в том, что он любил Игоря. На самом деле, если он кого-то и любил в своей жизни, так только его. Игорь всегда был тем, чем Григорий Синявский так и не смог стать – *гениальным* танцовщиком. И твой отец чувствовал свою причастность к процессу формирования таланта, эдаким Пигмалионом себя ощущал. И по характеру Байрамов в чем-то похож на него – такой же взрывной, темпераментный и непримиримый. Только он мог противостоять твоему отцу, только он мог сказать ему «нет» и не быть уничтоженным. Но Григорий потерял право считаться творцом в тот день, когда предал свое творение.

Мать замолчала, нервно теребя в руках мундштук. Ее лицо горело то ли от злости, то ли от стыда. Через минуту она вновь заговорила:

– Вот почему я недоумевала, когда он пригласил Игоря.

– А ты не спрашивала...

– Разумеется, спрашивала! Григорий сказал, что таково условие инвесторов, но мне как-то сомнительно, что французы вообще были в курсе, что Игорь жив. Тогда я решила, что твой отец наконец пусть и с опозданием, но все же решился попробовать загладить вину. Во всяком случае, мне хотелось в это верить. Понимаешь, заяц, я надеялась, что в твоём отце еще осталось что-то человеческое, что-то, за что я когда-то его полюбила... Хотя сейчас мне кажется, что и в то время я нарисовала себе образ и влюбилась в него, а на самом деле Григорий Синявский всегда оставался тем, кем мы его знали. Но мы больше не станем об этом говорить: о мертвых либо хорошо, либо никак, верно?

Наталья Ильинична резко поднялась со стула и подошла к плите.

– Давай-ка я блинчики испеку, а?

Глава 5

Миша вернулся из морга озадаченный и сказал, что ему без всяких объяснений отказались выдать тело. Рита узнала об этом только к вечеру, так как провела день в бесконечных переговорах с инвесторами и журналистами, требующими интервью. Один из них, вот наглость, заявился лично и с порога задал вопрос:

– Маргарита Григорьевна, что вы думаете по поводу убийства вашего отца?

Рита чуть со стула не свалилась. Однако ей пришлось быстренько взять себя в руки, устроить выволочку Сене, который пропустил назойливого, лживого писаку в ее кабинет... вернее, в кабинет Григория Сергеевича, конечно же, и заставить охранника выставить парня вон с «волчьим» билетом. Это надо же – *убийство!* Для журналистской братии главное – раздуть сенсацию из любой мало-мальски заслуживающей внимания новости, и ради этого они готовы врать и приукрашивать события. Потом, в крайнем случае, можно извиниться или написать опровержение (мелким, почти нечитаемым шрифтом), но СЕНСАЦИЯ-то уже пошла в народ! Слово, как известно, не воробей.

К восьми часам Рита ощущала себя так, словно поучаствовала в переброске российских войск с берега Балтийского моря в Уральские горы и обратно. Самым тяжелым испытанием, разумеется, стал разговор с Леоном Серве, который был в панике. Ей пришлось, собрав волю в кулак, заверить француза, что, несмотря на смерть Синявского, для шоу ничего не изменится. Это оказалось тем сложнее, что сама Рита вовсе не испытывала по этому поводу никакой уверенности. Вопрос с Байрамовым оставался открытым, и она, хотя названивала ему с перерывами с десяти утра, так и не смогла с ним поговорить – никто не брал трубку. В конечном итоге Рита решила, что это подождет – все равно ни сегодня, ни завтра репетиций не предвидится. И кто, скажите на милость, будет их проводить?! Она понятия не имела, но Леону Серве об этом знать необязательно.

И вот, вернувшись домой, еле волоча ноги и надеясь провести вечер в лежащем положении, Рита узнает о проблемах в морге!

– Как это – тело не выдают? – не поняла она. – На каком основании?

– Понятия не имею! – раздраженно развел руками брат. Рита никогда не видела его в таком подавленном состоянии. Вообще, у нее создалось впечатление, что только она одна сохраняет присутствие духа, а остальные члены семьи напоминают лодку, у которой ветром внезапно сорвало парус. Не то чтобы они тяжело переживали потерю (Рита была далека от мысли, что Миша и Катя, срочно прилетевшая из Манчестера, сильно страдают), но они не представляли, что теперь будет. Несмотря на то что старшие дети, как принято говорить, давно вылетели из гнезда, они привыкли к тому, что жизнь в родительском доме вращается вокруг отца и им же управляется. Оба, чего уж греха таить, с удовольствием пользовались деньгами, ежемесячно выдаваемыми им «на непредвиденные расходы», хотя сами неплохо зарабатывали. Наталья Ильинична предпочитала называть эти финансовые вливания «детскими деньгами», которые и правда в основном шли на внуков. Кроме того, Миша и Катя, не принадлежавшие к сфере искусства, внезапно оказались в поле зрения СМИ и других людей, желающих либо узнать подробности о смерти знаменитости, являвшейся их отцом, либо выразить сочувствие. И то и другое вынести было нелегко, тем более что брат и сестра не слишком интересовались миром, в котором жил и работал старший Синявский. Рита их не осуждала: она и сама предпочла бы держаться подальше от богемы, если бы Григорий Сергеевич постоянно не задействовал ее в своих делах. И теперь именно Рита, как ни парадоксально, оказалась в роли главной опоры семьи. Наталья Ильинична вела себя более чем достойно, но дочери казалось, что несправедливо взваливать на нее еще и эти проблемы.

– Я займусь этим, – подавив вздох, сказала Рита и, вместо того чтобы отправиться отмокать в ванную, взяла телефонную трубку. В такой ситуации мог помочь только дядя Егор. Это имя стало первым, пришедшим на ум, поэтому она набрала его номер. Егор Стефанович Квасницкий являлся одним из ближайших приятелей отца. Друзей у Григория Сергеевича не было, но были люди, с которыми он общался достаточно близко, чтобы создалась своеобразная иллюзия дружбы. Рита не знала, как и где они познакомились, но, сколько себя помнила, этот человек всегда находился рядом. Он помог отцу вновь подняться, когда наступили тяжелые времена. Странно, но ей порой казалось, что мама недолюбливает этого человека. Рита искренне не понимала почему, ведь дядя Егор был абсолютно безотказен. И в этот раз он пообещал использовать все свое влияние, чтобы Синявские смогли получить тело.

Едва она повесила трубку, как телефон снова зазвонил.

– С кем я говорю? – поинтересовался резкий голос, не потрудившийся ни представиться, ни поздороваться.

– С Маргаритой Синявской. А кого...

– Это следователь Иванченко, – не дослушав, оборвал говорящий. – Нужно, чтобы вы завтра подъехали ко мне. Шестая линия Васильевского острова, дом семь. Когда вам удобно? Лучше в первой половине дня.

– Зачем? – спросила удивленная Рита.

– Вот завтра и поговорим. Так сможете приехать?

– В десять часов подойдет?

– Отлично!

Он тут же повесил трубку, не попрощавшись – видимо, это у него стиль такой. Рита настолько растерялась, что даже забыла поинтересоваться у следователя насчет тела отца. Ну ладно, завтра так и так придется ехать, значит, там она и задаст свои вопросы.

Рита наконец добралась до ванны. Она налила туда жасминового масла и с наслаждением погрузила измученное тело в воду. Закрыв глаза, она попыталась освободить мозг от тяжелых мыслей и хотя бы полчаса просто отдохнуть. Ей почти удалось, однако тихий стук, даже скорее поскребывание в дверь, заставил ее снова поднять веки и спросить:

– Ну что еще?

Вопрос звучал не очень-то вежливо, но у Риты не было сил на политесы. Дверь приоткрылась, и внутрь проскользнула высокая, немного угловатая фигура – старшая сестра.

– Можно я с тобой посижу?

Рита пожала плечами. Катерина прилетела еще днем – просто удивительно, как ей удалось так быстро договориться обо всем на работе, уладить семейные дела и купить билет! Они давно не общались, кроме как по телефону, да и то обычно перекидывались всего парой фраз, после чего Рита передавала трубку матери. Наталья Ильинична всегда находила тему для беседы с Катериной, тогда как Рита с каждым проходившим годом все больше осознавала, что отдаляется от нее. Катя стала типичной «европейкой» – у нее даже политические взгляды изменились. Когда старшая сестра порой принималась учить младшую, как *на самом деле* обстоят дела в мире и конкретно в России, Рита лишь недоуменно усмехалась, говоря одну и ту же фразу: «Ну, тебе, конечно, из-за бугра виднее, как мы тут *загниваем!*» После этого Катерина, как правило, просила позвать Наталью Ильиничну, и беседа заканчивалась.

Но в этот раз, похоже, Катя не собиралась делать ничего подобного. Она примостилась на табуретке напротив ванны. Рите показалось, что сестра выглядит так, словно чего-то стыдится.

– Прости меня, – тихо произнесла она, с трудом выдавливая из себя слова.

– Чего это вдруг? – вздернула брови Рита, искренне не понимая, почему сестра извиняется.

– Тебе со всем приходится разбираться одной, а я... я болтаюсь, как... как цветок в про-рубви! Да я и рада бы помочь, но даже не знаю, что надо делать...

– Не бери в голову, все путем, – пробормотала Рита, не ожидавшая ничего подобного. Обычно Катерина вела себя именно так, как и положено старшей сестре (в ее собственном представлении) – разговаривала с младшенькой свысока, не считалась с ее мнением и не терпела ее возражений. А вот это – что-то новенькое!

– Никаким не «путем»! – возразила Катя. – Думаешь, я не понимаю, кем ты меня считаешь?

– И кем же?

– Плохой сестрой. Отвратительной дочерью, так?

Забавно, а ведь Рита именно так думала о себе самой!

– Нет, не так, – ответила она. – Я думаю, что...

– Мы с Мишкой свалили из дома и бросили тебя здесь, – не дослушав, продолжала Катерина. – Я ни разу не поинтересовалась, каково тебе одной с нашим звездным папашей... Думаю, и Мишке это тоже в голову не приходило – мы просто радовались, что успели вовремя!

– Вовремя?

Катя зачем-то поглядела в потолок, потом на стенку за Ритиной спиной.

– Ты могла это сделать гораздо раньше нас, – произнесла она, наконец переведя взгляд снова на сестру. – В смысле, ты и Игорь... Вы же были влюблены, так? Если бы вы поженились, ты ушла бы из дома и зажила самостоятельной жизнью. Мишка старше, и я представила себе, как вы оба уходите, а я остаюсь – один на один с отцом! Просто сбывшийся ночной кошмар...

– Так ты поэтому сбежала?

– Конечно! Джон казался приличным мужчиной, с деньгами и связями. В сущности, он такой и есть – до некоторой степени. Просто желание сбежать – не лучший советчик в выборе партнера на всю жизнь, понимаешь? Кроме того, он жил так далеко, за границей, и я, как и мечтала, оказалась вне досягаемости для Великого и Ужасного!

Рита никогда не думала, что сестра несчастна в браке – состоятельный муж, двое детей... Как такое вообще могло случиться?

– Ты не представляешь, сколько раз я жалела о том, что уехала! – говорила Катя, раскачиваясь на стуле, как делают порой маленькие дети, попав в сложную ситуацию и чувствуя себя некомфортно. – Там *все* чужое! Десять лет там живу, карьера в порядке, денег хватает, но поговорить совершенно не с кем, представляешь?! Джон, как приходит, сразу утыкается в телевизор или в компьютер, у детей тоже своя жизнь... Господи, Ритка, им же всего ничего лет, а у каждого своя комната, и на дверях висят таблички: «Не входить!» Мне каждый раз приходится изощряться, чтобы заставить их хотя бы раз в сутки ужинать вместе! Джону плевать – он с ними даже не разговаривает. Так, «Как дела в школе?» – и все...

Рита приподнялась из воды и положила ладонь на руку сестры, вцепившуюся в край ванны.

– Мне жаль, правда, – тихо проговорила она, поглаживая холодные пальцы Катерины. – Я и не думала... Знаешь, мне казалось, что если кто в нашей семье и счастлив по-настоящему, так это ты! Мишка все по бабам бегает, а ведь у него такая милая, хорошая, добрая жена. Значит, ему все-таки чего-то не хватает?

– Наверное, нам всем чего-то не хватает, – печально улыбнулась Катя, сжимая Ритины пальцы. – Всем троим, да? Что-то с нами явно не так!

– Почему ты ни разу ничего не говорила? Хотя бы маме?

– Я стараюсь пореже звонить – боюсь сорваться, а ведь у вас и своих проблем предостаточно. Мама уверена, что хотя бы у меня все хорошо, она так радуется, когда я рассказываю ей об успехах детей... Зачем ее расстраивать? Знаешь, – неожиданно добавила Катя, – а я ведь тебе всегда завидовала!

– Ты? – переспросила Рита. – Мне?!

– Ну да, – кивнула сестра и вздохнула. – Ты единственная из нас могла ладить с отцом. Ты такая спокойная, рассудительная, и тебя почти невозможно вывести из себя. Только ты умела сдерживать Синявского.

– Я?!

Для Риты эти слова сестры стали настоящим открытием.

– Ну да, – кивнула Катерина. – Ты одна могла разговаривать с ним больше десяти минут и не срываться. Ты сдерживала его – даже маме это не удавалось! Меня всегда удивляло то, что ты, младшая из нас, похожа на него меньше всех – и одновременно больше всех! И отец это понимал. Поэтому он любил тебя. Конечно, не так, как Игоря, но все же гораздо сильнее остальных своих детей.

– Ты говоришь ерунду! – воскликнула Рита. – Ему было на меня наплевать. Он считал меня помехой в карьере Байрамова, потому и делал все, чтобы мы разбежались!

– Не только.

– То есть?

– Ну да, отец пытался вас развести, но не только потому, что хотел для Игоря свободы. Понимаешь, он считал, что Байрамов сделает тебя несчастной.

– Что?!

– Отец видел, какие женщины окружают Игоря. Они были готовы на все ради одного его взгляда... Он был для них богом, для этих сумасшедших баб, и отец думал, что он не сможет сделать тебя счастливой. Возможно, он судил по себе, но у него имелись и другие основания, кроме желания избавить Игоря от тебя.

– Ты ошибаешься, – упрямо тряхнула головой Рита. – Папа никогда не думал о моих чувствах, иначе он бы понял, как мне трудно далось решение бросить Игоря!

– Ну, не надо делать из него святого! – развела руками Катя. – Полагаю, он отлично это понимал, но считал, что так лучше для всех. Главное – для него, для балета и для Байрамова. Но ты еще кое-чего не знаешь.

– Боюсь даже спрашивать, – пробормотала Рита. Когда сестра входила в ванную, Рита и не предполагала, что этот вечер станет для нее вечером откровений.

– Отец просил меня... в общем, он просил меня попытаться отбить у тебя Игоря.

– Тебя?!

– У меня ничего не вышло, – быстро сказала Катя. – Игорь мне нравился, но дело не в этом: даже если бы все получилось, отец ни за что не позволил бы нам быть вместе, поэтому я не больно-то старалась. Но я была не единственной.

– Не...

– Отец пытался свести Игоря с некоторыми девчонками из труппы Мариинки – из новеньких. Он считал, что так сумеет его лучше контролировать, при помощи одной из своих балерин.

– И?

– Снова не удалось: Игорь любил тебя и хотел быть только с тобой. Я очень удивилась, когда мама рассказала, что вы расстались. А потом ты встретила Мэтта, и я подумала: как странно, ты ведь повторяешь мою судьбу! Я лучше других понимала, что ты делаешь это не потому, что влюбилась в другого парня, а для того, чтобы сбежать. Но ты оказалась умнее меня и вовремя одумалась!

– Я не одумалась бы, – медленно проговорила Рита. – Если бы не то, что случилось с Игорем.

– Ты о той аварии?

– Да. Когда я о ней узнала, то поняла, что просто не смогу... Тебе надо было мне все рассказать!

– Наверное, надо – может, тогда хоть у тебя все сложилось бы иначе... А у тебя сейчас кто-то есть? – с надеждой поинтересовалась Катерина.

– Есть, – неожиданно для себя ответила Рита.

Лицо Катерины просияло.

– Игорь?

– Нет.

– Нет? – изумленно переспросила она. – И кто же настолько хорош, что сумел вытеснить из твоего сердца несравненного Байрамова?

Рита открыла было рот, но передумала: почему-то ей не хотелось пока упоминать о Мите. В конце концов, еще ничего не ясно, и...

– Рано говорить, – неопределенно ответила она на вопрос сестры. – Но, может, на этот раз у меня все получится?

Перед сном она опять позвонила Игорю. И снова трубку никто не снял.

Рита вошла в кабинет Иванченко, когда электронные часы на стене показывали одну минуту одиннадцатого.

– Вы точны, Маргарита Григорьевна, – одобрительно отметил следователь, поднимаясь из-за стола. – Чаю?

– Нет, спасибо, – отказалась она. – Вы можете объяснить, почему в морге не хотят выдать нам папино тело?

– Конечно. Да вы присаживайтесь, Маргарита Григорьевна, – разговор будет долгим.

Рита опустила на стул, чувствуя, как ее пальцы сводит судорогой. Что-то явно не так, но что?

– Вы должны знать, что дело вашего отца переквалифицировано. Теперь это дело об убийстве.

– Ч-что? – заикаясь, переспросила Рита, таращась на Иванченко.

– Водички? – поинтересовался он вроде бы участливо, но ни в его голосе, ни в лице не было ни капли сочувствия.

– Н-нет. Почему?!

– Есть причины. Вы юрист, поэтому не стану ходить вокруг да около. На первый взгляд все и впрямь выглядело как несчастный случай, однако эксперты нашли кое-что важное. Во-первых, в крови вашего отца обнаружили совсем небольшое количество алкоголя – так что выпивка не могла стать причиной его падения. Ему помогли.

Рита растерянно молчала, и Иванченко продолжал:

– Это еще не все. Мы проверили камеру на выходе из кабинета...

– Она никогда не работала, – перебила Рита. – Папа так распорядился.

– Почему?

– Он не выносил слежки. Камера должна была сказать любому злоумышленнику, что за ним наблюдают, но на самом деле она ничего не могла зафиксировать.

– А сейчас это здорово бы нам пригодилось! – сердито заметил следователь. – Скажите, почему вы пришли в театр в конце рабочего дня?

– У меня... было дело, которое я хотела обсудить с папой. Но его не оказалось в кабинете, и я поехала домой.

– Вы ошибаетесь, Маргарита Григорьевна, – возразил Иванченко. – В то время, когда вы приходили, Григорий Сергеевич находился внутри.

– Что вы говорите?!

– Это так. Охранник сказал, что вы вошли через главный вход и вышли очень быстро, не застав отца. Но, судя по отчету нашего специалиста, он был уже мертв, когда вы появились.

Рита не верила своим ушам. Значит, когда она барабанила в дверь кабинета, отец уже лежал там? И если бы она все-таки попыталась войти, воспользовавшись ключом с поста, то могла бы...

– Он умер мгновенно, – словно поняв, о чем она размышляет, произнес Иванченко. – Вы не смогли бы ему помочь. Даже если бы хотели.

– Что?! Вы... вы *меня* подозреваете?

– Это было бы слишком просто, но – нет. Конечно, вы могли бы войти через черный вход, убить отца и выйти незамеченной. Затем вы вполне могли бы выждать время и войти снова – на этот раз через главный вход, поговорить с охранником и сделать вид, что не застали отца в кабинете. Таким образом, вы обеспечили бы себе алиби, но есть одно маленькое «но».

– Какое же? – тяжело сглотнув, спросила Рита.

– Ваш отец получил сильнейший хук в челюсть. У него сломано несколько зубов. Вряд ли женщина могла нанести подобный удар – ваше телосложение и вес исключают такую возможность. Вот почему я вас не подозреваю. Вы не могли не заметить синяк.

Она заметила. Сразу, как увидела тело отца, но...

– Скажите, Маргарита Григорьевна, – вкрадчиво произнес Иванченко, – почему вы ни разу не упомянули о драке вашего покойного отца с Игорем Байрамовым?

Откуда он узнал?! Ах, ну да, конечно, – кто-то из ребят наверняка рассказал... И с чего это она взяла, что удастся скрыть этот факт? Но Иванченко прав, она решила, что тот синяк – следствие драки с Игорем. Упомянуть о ней означало навлекать на него неприятности, а этого Рита не желала.

– Я не считала, что драка имеет какое-то отношение к...

– Ерунда, Маргарита Григорьевна! – перебил следователь. – Вы отлично понимаете, что это имеет прямое отношение к происшедшему, и мне странно, что вы, потеряв родного отца, пытаетесь выгородить возможного подозреваемого!

– Да Игорю незачем убивать папу! – воскликнула она. – Неужели вы полагаете, что он вернулся после драки, чтобы... добить его?! Это же чушь собачья!

– У него было много врагов?

– Вы бы удивились... – едва слышно пробормотала она.

– Может, набросаете несколько имен?

Рита, не дожидаясь, пока следователь пододвинет к ней листок, сама взяла один из пачки, лежащей на столе. На мгновение ее рука застыла в воздухе. Написать имя – значит обвинить, имеет ли она на это право? Да, у отца немало недоброжелателей – бывшие коллеги из Мариинки, театральные критики, журналисты, артисты, которых он безжалостно выставлял вон на протяжении многих лет, – но способен ли кто-нибудь из них на убийство?

– Что-то не так? – спросил следователь.

– Нет, все нормально. Просто, боюсь, слишком много получится!

– Много – не мало, – хмыкнул Иванченко. – Вы пишете, там разберемся!

– Видите ли, у папы много врагов, но ведь это не значит...

– Значит, значит. Сами смотрите, Маргарита Григорьевна: убийца проник в кабинет с улицы, а не через главный вход, иначе его обязательно заметил бы охранник.

– Он мог дожидаться, пока Сеня выйдет, – возразила Рита. – У нас же не банк, и охрана вполне может отойти от рабочего места на короткое время – в конце концов, он мог захотеть в туалет!

– Верно, – согласился следователь. – Допустим, он дождался, пока охранник вышел, и проскользнул в кабинет незамеченным. Но вышел он, скорее всего, через дверь кабинета: нет смысла светиться на посту. Камера на выходе не работает... Кстати, кто, помимо вас и Григория Сергеевича, знал, что это так?

– Никто... ну, насколько мне известно.

- Но могло быть и по-другому. Если убийца – член труппы...
- Да вы что, в самом деле! – перебила Рита. – О таком даже подумать невозможно!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.